

Жестокые игры
В ЛЮБОВЬ

РИТА НАВЬЕР

Рита Навьер

Жестокie игры в любовь

<https://litres.ru/74311024>

Аннотация

Их история началась ещё в школе.

Он легко и беспечно разбивал девичьи сердца, пока не встретил её. Она даже не смотрела в сторону парней, пока не познакомилась с ним. Но он предал её, а она – в отместку прилюдно его унизила.

Гордые и упрямые, они так и не смогли простить друг друга. Но спустя годы судьба вновь их свела. И для неё будто время повернулось вспять. Вот только он, похоже, действительно сумел её забыть...

Или это всего лишь игра?

ОДНОТОМНИК

ХЭ

Содержание

1	5
2	9
3	14
4	20
5	23
6	30
7	34
8	41
9	50
10	54
11	63
12	70
13	80
14	84
15	89
16	96
17	103
18	111
19	121
20	128
21	132
22	138
23	145

Это было бегство. Самое настоящее. Просто терпеть стало уже невмоготу.

Ну кто бы ни с того ни с сего переехал из престижного центра в спальный район на окраине города? Кто бы просто так променял огромную квартиру с собственной комнатой на убогую однушку, которую придётся делить с бабкой, злобной сварливой старухой? Кто бы перевёлся за несколько месяцев до выпуска в чужую школу, оставив всё: друзей, подруг, привычки?

И Мика не стала бы, если б не отчим. Борис Германович. Старый козёл. Он превратил её жизнь если не в ад, то уж точно в его преддверие, заставляя каждую секунду находиться в напряжении и страхе.

Он с самого начала ей не понравился, ещё девять лет назад. Прилизанный хлыщ в костюме и галстучке с холодным прищуренным взглядом.

Мать подцепила его у себя в стоматологической клинике, где прежде работала на ресепшене. Борис Германович приезжал лечить зубы, а мать ему ослепительно улыбалась. Это она умела... когда-то.

Ни он первый, ни он последний клюнул на эти её улыбки и манящие взгляды, но он пошёл дальше всех прочих – предложил ей выйти за него замуж. Мать согласилась, не колеб-

лясь. Она бы и за чёрта лысого вышла, лишь бы съехать от собственной матери-деспотши. А тут как-никак вполне приятный, ещё не старый по её меркам и обеспеченный мужчина.

Борис Германович жил в центре, в просторной трехкомнатной квартире, так что мечта матери осуществилась. Мика же сразу поняла – её отношения с отчимом простыми не будут.

Так оно и вышло. Довольно быстро новоиспечённый супруг матери превратился в домашнего тирана. Мать по его настоянию ушла из клиники – это чтобы она больше никому не улыбалась. Но на этом он не остановился. Без его дозволения она могла выйти разве что в ближайший продуктовый магазин. Даже в парикмахерскую отпрашивалась – клялась, что красоту собралась наводить для него, единственного и любимого.

Впрочем, вскоре мать перестала так уж следить за собой. С утра до вечера она занималась домом, вычищая его до блеска. Готовила, стирала, гладила. Подобострастно подносила ему тапочки, когда он возвращался с работы.

Мику её услужливость корбила, но мать была непрошибаема в своём стремлении угодить Борису Германовичу.

Того же он ждал и от Мики. И не ждал, а требовал. Но чем жёстче на неё давил, тем сильнее она ему противилась, огрызалась, делала всё наперекор.

Однако и он не унимался. Совал свой нос во все её дела.

В комнату заходил в любое время, не стучась. Мог обшарить вещи, пока та была в школе. Мог прочесть переписку в сети, пока Мика принимала душ. Изводил её своими нотациями, сковывал запретами. За малейшую провинность наказывал.

Поначалу просто лишал прогулок, ноутбука, телефона или ужина, а матери выговаривал, какая гадкая у неё дочь.

Позже стал и руки распускать. Причём доставалось обоим. Нет, зверски он их с матерью не избивал, но отвесить пощёчину мог запросто за любое неосторожное слово, за косой взгляд, за остывший суп или пересоленный бифштекс, за что угодно. Это не было больно, это было унижительно.

Мать терпела его заскоки безропотно и Мику просила «не выступать», ведь «он же хочет, как лучше, и вообще – ничего же страшного. Подумаешь, пощёчина, ерунда».

Мика и в детстве отчима ненавидела, но сейчас понимала больше, чем прежде, и видела он – не просто идейный домостроевец, он – садист. Вовсе не за патриархат отчим ратовал, его заводило подчинение и унижение. Что там у них творилось в спальне, Мика не знала, но, случалось, замечала на запястьях и лодыжках матери багровые полосы, словно кожа стёрта. На шее следы были значительно слабее, но если приглядеться...

Мика недоумевала – душил он её, что ли? Да не может быть! Это же совсем дикость! Уж такое-то даже мать не стала бы терпеть. Но однажды застала её, когда та переодевалась, и ужаснулась – вся спина у матери была исполосована.

– Он тебя избивает? – ахнула Мика.

Мать смутилась, заюлила, стала его выгораживать.

– Ты ещё слишком юна, не понимаешь. Это не то, что можно подумать...

Всё Мика поняла, не маленькая. Но от этого стало только гаже. Старый извращенец, вот он кто. А самое чудовищное то, что он не бросил свои пристрастия даже тогда, когда мать забеременела.

У Мики закралось подозрение: может, ей самой всё это нравится? Безумие, конечно, но иначе зачем терпит? Не под дулом ведь он её заставляет...

Впрочем, мать всегда была тихоней. Мягкой и податливой. Когда они жили с бабкой, та тоже всячески мать гнобила, а мать ей и слова против сказать не смела. Ни возразить, ни поспорить, ничего. Прирождённая жертва про таких говорят. Просто подарочек отчиму-садисту.

Мика, конечно, её любила, но совершенно не понимала. Где гордость? Где самоуважение? Нет, она такой точно никогда не будет! Никому не позволит оскорблять себя и унижать.

Мику Борис Германович неизменно называл полным именем – Микаэла. Ну а она его... в глаза – по имени и отчеству, а в мыслях – козлом. Хотя в тот день она и в лицо его так назвала. И не только так, а ещё и похлеще. Всё, что накопилось, выплеснула, глядя в его холодные, бледно-голубые, почти прозрачные глаза.

Мать тогда уже неделю как лежала на сохранении в городской гинекологии – видимо, его пристрастия не прошли бесследно, и в минувшую пятницу её прямиком из женской консультации на скорой отправили в стационар.

Всю эту неделю Мика жила в напряжении. Хоть от матери, по сути, защиты никакой, но всё же при ней было спокойнее, чем вот так, с ним наедине.

Он, в общем-то, больше обычного не цеплялся. Цедил только: делай то, делай это, после школы не задерживайся. И сверлил своими рыбьими глазами.

Она – где пропускала его слова мимо ушей, где вяло огрызалась, но сильно не перечила: боялась его, хотя не признавалась в этом даже самой себе.

В тот день её позвала к себе одноклассница. А Мика и рада была пойти куда угодно, только б не домой. До вечера время пролетело быстро, а когда она всё же объявилась, Бо-

рис Германович встретил её в коридоре со словами:

– Где была?

В голосе его отчётливо звенели угрожающие нотки. Да и в глазах, обычно бесстрастных, читался еле сдерживаемый гнев.

Наверное, можно было бы придумать какую-нибудь правдоподобную уважительную причину, но Мика лишь гордо прошествовала в свою комнату. Не хватало ещё оправдываться перед ним. При том что ничего дурного она не делала, просто посидела у подружки, потом они прошлись по набережной, ну и всё.

И ладно бы, поздно уже было, а так – светло, людно, даже вон дети во дворе носятся. Да и не беспокоился он, просто его злило, что кто-то смеет не слушаться.

Так что решила: она не мать и пресмыкаться тут не собирается.

– Где была, спрашиваю! – Отчим схватил её за локоть, рывком развернул к себе.

– Гуляла! – с вызовом ответила Мика, попыталась выдернуть локоть, но тщетно. Он лишь крепче сцепил пальцы. – Руки убери!

– Ах ты маленькая дрянь! – прошипел он. – Гуляла она, шалава малолетняя.

– Отпусти! Сволочь! – вспыхнула она от несправедливого оскорбления.

– Зубки научилась показывать? Распустила тебя мать.

Вырастила шлюху. Ничего, я научу тебя старших уважать, дрянь строптивая.

– За что тебя уважать? – запальчиво огрызалась Мика, отчаянно пытаясь вырваться из его захвата. – Ты же больной урод. Садист. Извращенец. Убери от меня свои мерзкие ручонки! Старый козёл...

Но чем сильнее она билась в его руках в попытке высвободиться, тем больше он зверел. В какой-то миг он преболно вывернул ей руку, заставив согнуться пополам. Тут же зажал её голову в сгибе локтя. И зажал так крепко, что сдавил шею точно удавкой.

Мика начала задыхаться, ловя воздух ртом. Из выпученных глаз брызнули слёзы. Вены вздулись. В ушах грохотал пульс, заглушая его ругательства. А потом он поднёс вторую руку к её лицу, зажал ладонью рот и нос.

Вот теперь она запаниковала. Отчим душил её! Не до конца – отпускал на несколько секунд, а потом снова.

Мике казалось, что эта адская пытка длилась бесконечно. От ужаса она ничего не соображала. Хаотично и бесполезно дёргалась. Хватала руками воздух. Слова его слышала и не понимала.

– Будешь послушной девочкой? Говори! Будешь слушаться? Я могу так долго... – приговаривал он.

В очередной раз, когда он поднёс ладонь, Мика, скорее, инстинктивно, чем обдуманно, впилась в неё зубами. Он взвыл, одёрнул руку, выпустил её из захвата. Но не успела

она отдышаться, как удар по лицу сбил её с ног. Рот тотчас наполнился кровью, а перед глазами полыхнули слепящие искры.

– Ах ты сучка! – орал отчим, зализывая укус. – Ну ты напросилась!

Он звякнул пряжкой ремня и принялся выдёргивать его из шлёвок. Затем согнув его посередине, обернул концы вокруг кулака.

Мика попыталась подняться, но тело не слушалось, словно пережитый стресс лишил её сил. Даже отползти толком не получалось. И голова гудела нещадно, а перед глазами всё ещё стояла мутная пелена. Она даже не увидела, как отчим занёс над ней руку. а затем, рассекая со свистом воздух, на плечо опустился ремень.

Мика взвизгнула, забилась в самый угол, подтянула к себе колени, голову закрыла руками, а отчим, войдя в раж, стегал её и стегал. Руки, ноги, предплечья горели от жгучих ударов. А он всё хлестал, не останавливался, словно обезумел...

Потом он устал. Тяжело дыша, прерывисто произнёс:

– Давно... надо было... выбить из тебя дурь...

И ушёл на кухню. Включил чайник, достал из навесного шкафчика кружку.

Отчим вёл себя так, будто славно поработал и теперь пора передохнуть, попить чайку.

Мику же трясло от беззвучно плача. Она поднялась с пола и, шатаясь, поковыляла в свою комнату. Закрылась там и

носа не высывала.

Всю ночь она глаз не сомкнула. Болело всё: руки, ноги, мышцы, суставы. В груди скручивался узел от обиды, ненависти и страха. Но больше всего мучила её собственная беспомощность. Если этому извергу вновь вздумается поднять на неё руку, как она его, здорового мужика, остановит? И жаловаться стыдно...

Да и кому жаловаться? Подружкам? Глупо и бессмысленно.

В полицию? Да кто ей поверит? Борис Германович и сам повторял не раз, что там у него всё схвачено.

Учителям? Один раз она уже пожаловалась классной, та заявила к ним домой, но в итоге он же Мику и выставил лгуней. И что самое ужасное – мать подтвердила его слова! И когда он потом наказывал её за это – молчала. Позже, конечно, извинялась, оправдывалась, мол, так лучше, иначе бы вмешалась соцзащита и Мику отправили бы в детский дом.

После визита классной Герман Борисович на неделю лишил Мику ужина, заставляя при этом сидеть с ними за одним столом. И матери строго запретил подкармливать её тайком. Впрочем, вечерами ей почти и не хотелось есть, скорее было противно смотреть, как ест он.

Некому жаловаться, не к кому обратиться за помощью. И

сбежать некуда, хотя...

Тогда она и вспомнила про бабу. Мать, конечно, от неё открестилась и ни разу не навестила с тех пор, как вышла замуж, но Мика как-то наведывалась к ней. Поздравляла то ли с Новым годом, то ли с днём рождения, уже и не вспомнить. Но хорошо помнилось, что старуха за порог, конечно, впустила, но в дом не провела, чаю не предложила... И пусть, всё равно хуже, чем с отчимом, не будет.

Утром Борис Германович сам к ней заявился. Она, уже полностью собравшись в школу, как раз наносила тональный крем на проступивший в углу рта синяк.

Отчим распахнул дверь, встал на пороге, оглядел комнату по-хозяйски. Мика, вздрогнув, замерла в напряжении.

– Всё прихорашиваешься, шал... – наткнувшись на её тяжёлый взгляд, почему-то недоговорил.

Затем прошёл к шкафу, раздвинул створки.

– Бардак, – процедил он, заметив на самой нижней полке небрежно брошенный ворох одежды. Джинсы, кофта, футболка. В этом Мика ходила накануне, но после вчерашней экзекуции просто сунула всё комом.

– Стыдно... – отчим повернулся к ней, вперившись взглядом. – Как стыдно, Микаэла, быть такой грязнулей.

Одна рука его была перевязана. Вчерашний укус, вспомнила Мика. Мало тебе, изверг! Вообще бы тебе руки ото-

рвать, чтоб никого больше не тронул!

Чуть согнув в локте, он держал раненую руку навесу. Берёг, не утруждал. Зато второй рукой Борис Германович орудовал вовсю, продолжая шарить по полкам.

Она и так видела, что отчим просто искал повод прицепиться.

Борис Германович смотрел на неё внимательно, вглядывался, ловил на лице оттенки её чувств. Смотрел и шурился.

– Убери этот бардак немедленно, – сухо велел он, вдруг отчего-то разозлившись.

– Я в школу опаздываю.

– Значит, поторопись.

– Мне уже надо выходить.

Он медленно двинулся на неё. Мика непроизвольно отступила на шаг.

– Ты, гляжу, не усвоила правило, что в моём доме всё будет так, как я сказал? Ещё один урок тебе преподать?

Мика взглянула на него исподлобья. Зло взглянула, как на врага. Однако это его нисколько не проняло. Он с деланным равнодушием изрёк:

– Никуда отсюда не выйдешь, пока не наведёшь идеальный порядок.

В школу в тот день Мика не пошла, а сразу отправилась в больницу к матери. И макияж весь смыла – пусть та видит,

что этот урод творит, как развлекается, пока её нет.

Правда, к матери попасть удалось с трудом. Пришлось наплести с три короба, иначе не пропускали. Предлагали уйти и вернуться в часы приёма, с четырёх до шести. Но тогда можно было напороться на отчима. Да и ждать не было сил.

– Вот посмотри, – Мика повернулась к матери ушибленной щекой. – Это твой благоверный вчера меня избил.

Они стояли в дальнем конце коридора у окна. Мать зябко куталась в байковый халатик, хотя осень выдалась в этом году тёплая.

– Мам, ты слышишь, что я тебе говорю? Он меня вчера избил! У меня всё тело в синяках. А ещё он меня душил. По-настоящему!

– Бедная моя девочка... – покачала головой мать. – Я поговорю с Борей.

Мика аж задохнулась.

– Поговоришь?! Ты серьёзно? Ты что, не понимаешь? Он меня вчера чуть не задушил! А ты – поговоришь?

Мать смотрела на неё затравленно и молчала.

– Господи, мама, да что с тобой не так? Он надо мной издевался, слышишь? Мне что, пойти в полицию?

Мать тут же встrepенулась:

– Зачем?

– Чтоб его посадили к чертям! Ты в курсе, душить людей так-то запрещено законом?

– Мика, дочка, прошу тебя не надо горячиться! Я погово-

рю с Борей, обязательно! Попрошу, чтобы он больше тебя не трогал. Но зачем полицию? Зачем сор выносить? И потом, никто его не посадит, ты же сама понимаешь. Только хуже будет...

– Куда хуже-то?

Мать на это промолчала.

– Ты как знаешь, но я не хочу оставаться рядом с этим уродом! – твёрдо заявила Мика.

– А что ты предлагаешь? Вернуться к моей матери?

– Да хоть бы и к ней. Бабка нас хотя бы не колотила.

– Она и без этого устроит ад... И потом, ты помнишь, как мы там жили? Предлагаешь ютиться в одной комнате втроём? А скоро уже и вчетвером... И на что жить? Вот на что, скажи? На её копеечную пенсию? Я сейчас даже на работу выйти не смогу. Кому я беременная нужна?

– Я с ним жить не буду, – упрямо повторила Мика.

– Ты остынь сначала и всё обдумай. Ну нет у нас другого варианта. Нет и не будет в ближайшее время. Так что надо как-то научиться жить в мире. Ну где-то потерпеть, где-то смолчать... Всё-таки он нас содержит, покупает всё, тебя вон как дорого одевает... И ты уж прости, но Боря наверняка тебя... ударил не просто так. Он, конечно, вспыльчивый, но...

– Поверить не могу! Ты же его ещё и выгораживаешь!

– Я не выгораживаю. Я хочу, чтобы мы просто спокойно жили.

– Вот как, значит? – Мика сглотнула. Несколько раз шум-

но вдохнула и выдохнула. Закусила нижнюю губу, чтобы тут же, в больничном коридоре не расплакаться. От обиды и разочарования в горле встал ком. Она-то думала, что мать ужаснётся, с каким извергом оставила дочь, а она... – Ну, ладно, живите спокойно, но без меня.

– Что ты такое говоришь? – заохала мать. – Как это – без тебя?

– А вот так! Сегодня же я перееду к бабке. И даже не думай меня останавливать. Иначе я пойду в полицию и напишу на твоего Борю заявление.

Выпалив всё это на одном дыхании, Мика развернулась и устремилась прочь.

– Мика! Микаэла! – окликнула её мать, но она даже не оглянулась.

Пока отчим был на работе, Мика собрала вещи в две большие спортивные сумки и огромный клетчатый баул, который ей пожертвовала подруга. Теперь ехала в такси и переживала. Вдруг бабки дома нет? Вдруг она вообще не рада будет возвращению внучки?

Мика даже не помнила точно, когда они последний раз виделись. Год назад, полтора, два? Не помнила, зачем приезжала. То есть приезжала-то поздравить с каким-то праздником, но с чего вдруг тогда ей это взбрело на ум, если они даже не созванивались ни до, ни после...

Мать бабуку не любила, и эта нелюбовь передалась Мике. И жить с ней, по большому счёту, тоже очень не хотелось, но тут уж приходилось выбирать из двух зол меньшее.

Отношения между матерью и бабушкой всегда были натянутые, но именно с рождением Мики испортились окончательно. Бабка проработала всю жизнь абдоминальным хирургом, когда-то считалась в своём деле одной из лучших и мечтала о таком же достойном будущем для дочери, Микиной матери. А та смогла поступить лишь в медучилище и то закончила его с огромным скрипом.

Бабка её провал восприняла как личный позор и толкала её учиться дальше, добиваться, стать врачом. А матери всё

это было совершенно не нужно. Она мечтала о семье и уютном доме, о муже и детях. Вечно кидалась в какие-то отношения с мужчинами, которые плохо заканчивались. Вот и с отцом Мики, красивым жгучим кавказцем, встречалась тайком от бабки. Тот обещал золотые горы, но, узнав про беременность, быстренько исчез.

Бабке было плевать на разбитое сердце дочери, для неё бóльшим горем стали разбитые мечты, поскольку рождение Мики окончательно поставило крест на медицинской карьере той. Да и вообще на любой карьере. Этого она ей так и не простила, разочаровавшись в дочери бесповоротно. Да ещё и Микаэла, как назло, была просто копией своего отца – черноволосая, черноглазая.

– Сразу видно, от кого нагуляла, – ругалась бабка. – Позорище! Перед соседями стыдно. Мало того, что дура, скажут люди, так ещё и подстилка...

И вообще Мика, сколько себя помнила, только и слышала от неё в адрес матери: тупица, безмозглая курица, тряпка и всё в таком духе.

Вот за это она бабуку и не любила. И за неприятный запах табака, намертво въевшийся в её кожу. А ещё у бабки были страшные руки, тёмные, с узловатыми пальцами, скрюченными артритом.

В редкие минуты, когда на бабуку находила слабость и желание приласкать внучку, маленькая Мика шарахалась от неё, как от чёрта. Лишь бы эти страшные руки не прикаса-

лись к ней. И плевать, что эти же самые руки когда-то спасли множество жизней.

Бабка, к счастью, оказалась дома, но встретила Мику без особого радушия.

– А что, жить в хоромах разонравилось? – едко спросила она.

Мика как на духу рассказала бабке про вчерашнюю экзекуцию.

– Вот сукин сын! И эта тоже... мать твоя, дура. Но она всегда была дурой, – проворчала бабка и достала из кармана халата сигареты. Выбила одну из смятой пачки, закурила. – Ладно, обживайся. Сходишь позже в сорок вторую квартиру, к Ивлевым, попросишь раскладушку на первое время. У них есть. А там что-нибудь придумаем.

Бабка жила в обычной панельной пятиэтажке советского образца, в последнем, третьем, подъезде, на втором этаже. Дом её вместе с ещё тремя такими же хрущёвками, стоявшими квадратом, образовывал колодец с двумя сквозными арками. Внутри – обычный двор с детской площадкой, кустами акации и сирени, приподъездными лавочками, клумбами из крашенных шин, в которых отцветали астры.

Всё так обыденно, так знакомо и так тоскливо. Но это, наверное, потому, что заняться ей было решительно нечем. Вещи она разложила, заняв добрую половину шифоньера. В сорок вторую за раскладушкой уже дважды поднималась – там никто не открывал. Хотела помочь бабке с ужином, но та её прогнала из тесной кухни, где вдвоём и правда не развернуться.

Пойти прогуляться? Некуда и не с кем. Мика хоть и жила здесь когда-то, но уже никого не помнила. Вот и торчала на балконе, разглядывая двор и его обитателей.

Под балконом, чуть левее, там, где сходились углы двух домов, на бетонном приступке, загораживающем лестницу в подвал, тусовалась местная молодёжь. Несколько парней и две девчонки. Одна – светловолосая и миниатюрная, вторая – тёмно-русая, полная. Все – ровесники Мики, плюс-минус

год-другой.

Их разговор Мика не слышала, только отдельные слова, возгласы и взрывы хохота.

Один из парней, высокий крепкий блондин, подошёл к турнику. Подпрыгнув, ухватился за перекладину и стал подтягиваться. Остальные хором, громко, с гиканьем и дурацкими смешками принялись считать: раз, два, три, четыре... четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать...

– Ну чё, Лёха, нормы ГТО, считай, сдал, – кто-то крикнул ему.

– Лёш, – позвала его одна из девчонок, светленькая, но что ему сказала – Мике с балкона было уже не слышно. Однако явно что-то приятное, судя по их улыбкам. И точно – в следующую секунду она подтянулась на носочках и поцеловала блондина в щёку.

Парни сразу загудели. Самый мелкий и вертлявый паренёк выкрикнул:

– Тиша, а если я Лёху сделаю, меня тоже поцелуешь?

Мика слегка удивилась – Тиша? Очень своеобразное имя для девушки. Хотя чего уж, у неё и самой имя тоже далеко не самое распространённое.

– Сделай сначала, – с усмешкой ответила светленькая.

– А если не сделаешь, тебя Громозека поцелует, – крикнул кто-то из парней, и все захохотали, а полная девушка ответила шутнику подзатыльник.

Парни, видимо, и впрямь решили побороться за поцелуй

этой Тиши. Следом за блондином попробовали свои силы на турнике тот мелкий и ещё трое, но перебить его рекорд не смогли. Один так вообще лучше бы не пытался – его только обсмеяли за жалкие потуги.

Вдруг Мика почувствовала на себе чей-то взгляд.

Парень в тёмной толстовке с капюшоном наблюдал за ней. Нет, она этого не видела – слишком низко он надвинул капюшон так, что глаза оставались в тени, но такие вещи она всегда чувствовала.

Он не сидел на приступке как другие парни, а стоял немного в стороне, на углу, подпирая спиной стену соседнего дома. Стоял хоть и рядом со всеми, но как будто сам по себе, не с ними. Наверное, потому что в общем разговоре не участвовал, на шутки не реагировал, не смеялся. Одну ногу он подогнул под себя, руки заложил в карманы и... совершенно точно наблюдал за ней.

В первый момент почему-то захотелось тотчас отпрянуть и убраться с балкона назад в квартиру. Но она подавила этот порыв. Глупости какие! Подумает ещё, что она его застеснялась. А он, судя по всему, и без того самодовольный тип.

Почему она сразу так решила – Мика и сама объяснить не могла. Это просто ощущалось и всё тут. Может, по тому, как он независимо держался среди своих, или по тому, как открыто и беззастенчиво разглядывал её.

Видала она таких, самоуверенных и самовлюблённых. Такие даже не сомневаются в собственной неотразимости и на

полном серьёзе считают, что любая девушка умрёт от счастья, если на неё обратит внимание такой вот экземпляр.

Справедливости ради стоит сказать, что не так уж сильно они и заблуждаются. И правда ведь – подобных дур хватает.

Почему сразу дуры? Да потому что нормальная разве станет увиваться за таким павлином, забыв о гордости? Разумеется, нет.

Мика с равнодушным видом отвела взгляд. Она уж точно на таких даже не смотрит. Но в следующую минуту их компашка опять всколыхнулась, разразилась возбуждённо-радостным: «Ооооо!».

Она вновь непроизвольно скосила глаза в ту сторону. Это парень в капюшоне покинул свой наблюдательный пост и со словами "учитесь, девочки" стянул с себя толстовку и направился к турнику. "Девочки" он говорил парням, но те совсем даже не обиделись.

Под толстовкой у него ничего не оказалось. Голое тело. Мика поёжилась – ещё довольно тепло, конечно, но всё же далеко не лето. Впрочем, ясно было, что он просто красовался, мол, посмотрите, какой у меня атлетический торс, какие литые мускулы.

Он не был таким мощным и крепким с виду, как блондин, скорее, выглядел гибким. Очень даже неплохо выглядел, по правде говоря, но это его явное самолюбование... Мика усмехнулась: ну и нарцисс.

А дружки его снова принялись считать вслух.

Мика от души пожелала ему продуть блондину, но тот его всё же обошёл, хоть и последние пару раз подтянулся с большим трудом. Затем плавно соскользнул с турника, отёр ладони о джинсы и неспешно, с самодовольной улыбочкой двинулся к своим. Взял из рук полненькой девчонки свою толстовку, но перед тем, как натянуть, бросил взгляд на Мику и весело подмигнул.

Мика про себя фыркнула: «Ну всё, герой».

– Онегин – красавчик, таки уделал Лёху, – резюмировал кто-то из парней.

– Лёха, не хочешь ещё разок попробовать? Перебить Жэку? – спросил мелкий. Мика аж чуть не поперхнулась: Евгений Онегин? Серьёзно? Но нет, это, видимо, оказалось его прозвище.

– Медаль тебе, Колесников, – добродушно отмахнулся блондин, оставив тому лавры победителя.

Однако Тиша не стала целовать этого Онегина-Колесникова, она вообще старательно делала вид, что не замечает его. Там явно чувствовалась какая-то драма, Мике даже любопытно стало. Но в следующую секунду сердце, ёкнув, пропустило удар, а вдоль спины пополз мерзкий холодок.

К подъезду подкатила знакомая серебристая иномарка. Мика испуганно отпрянула и заскочила в комнату. А спустя пару минут в дверь позвонили.

– Не открывай, это отчим, – взволнованно зашептала Мика, но бабка, конечно, открыла. Когда и кого она боялась?

– Я приехал за Микаэлой, – сообщил Борис Германович сухо.

– Ишь, за Микаэлой он приехал, – фыркнула бабка. – Кто тебе её отдаст, такой паскуде? Совести ещё хватило сюда припереться.

Борис Германович изо всех сил пытался сохранить внешнее спокойствие и не реагировать на оскорбления, но уголок рта у него заметно подёргивался.

– Не знаю, что вам Микаэла понарассказывала, но это всё враньё.

– Да? И что именно враньё? – с деланной невозмутимостью спросила бабка.

– Ну... то, что она рассказала, – растерялся отчим. – Не первый раз она уже пытается...

– А что она рассказала? – перебила его бабка, по-хозяйски сложив руки на мощной груди.

Он занервничал, забубнил что-то невнятное. Потом решил зайти с другого бока:

– Микаэла должна жить с матерью, а не тут!

– Вот как?! Глядите-ка, тут у нас кто-то раскомандовался! Я тебе так скажу: Микаэла должна жить там, где её не будет лупцевать гнус вроде тебя. А рассказать тебе, что должна сделать с тобой полиция? Или сам догадаешься? Побой мы сняли, чтоб ты знал. Так что жди... Пшёл вон отсюда, червяк.

Борису Германовичу ничего не оставалось, как капитулировать.

– Ба, круто ты его! – Мика, помявшись, порывисто шагнула к ней и обняла.

– Ну-ну, всё... – неожиданно смутилась бабка. – Лучше скажи, ты раскладушку у Ивлевых взяла?

– Там дома никого не было, – Мика, выпустив бабку из объятий, отступила на шаг.

– Ну, ещё раз сбегай. Сейчас поужинаем и сбегай. А то где спать-то будешь? На коврике? Я тебе свою кровать не уступлю.

Сорок вторая квартира была двумя этажами выше, на четвёртом. На этот раз, позвонив, Мика услышала в глубине шага. Щёлкнул замок, дверь открылась, и Мика с удивлением узнала того самого блондина. Лёшей его, кажется, называли. Стало немного неловко.

– Привет, – тем не менее улыбнулась она.

– Привет, – настороженно глядя, ответил блондин.

Вблизи он оказался ещё более рослым и крупным. Не толстым, а именно могучим. Этаким русский богатырь. Коротко стриженный ёжик светлых, добела выгоревших на солнце волос. Открытое мужественное лицо, хмурые брови, серьёзный взгляд, если не сказать суровый.

– Я из тридцать четвёртой квартиры, я внучка Анны Михайловны. Она сказала, что у вас можно одолжить раскладушку.

Богатырь несколько секунд смотрел на неё, соображал.

– А-а... Да? Я не знал, что у неё есть... Раскладушку? Конечно. Сейчас сниму с антресолей, ты проходи.

Мика шагнула в тесную прихожую. Осмотрелась, но особо ничего разглядеть не успела, кроме того, что понизу обои в прихожей были ободраны.

– Это у нас кот хулиганит, – вернулся блондин, неся в руке

сложенную раскладушку в чехле.

– Я так и подумала, – смутилась Мика. И чего она так уставилась на эти несчастные обои? Неловко получилось.

– А как зовут тебя, внучка Анны Михайловны?

– Микаэла.

Хотя она привыкла к сокращённому имени, но представлялась всегда полным.

– Прикольно, красивое имя, – улыбнулся он и протянул ей свободную руку. – Алексей. Можно просто Лёша.

Улыбка ему шла – она казалась искренней и доброй и невольно вызывала желание улыбнуться в ответ. Так Мика и сделала.

– Очень приятно.

Она потянулась к раскладушке.

– Я отнесу. Чего ты будешь таскать... – забормотал он.

Сунул босые ноги в шлепки, выдернул из замка ключ и вышел в подъезд.

Мика последовала за ним.

– А надолго ты сюда? – не оборачиваясь, спросил Лёша.

– Не знаю пока.

– А откуда ты?

– Я в центре жила. На Карла Маркса.

– У-у, ничего тебя занесло... А учишься где-нибудь?

– Да, в двадцать четвёртой.

– Это ж тоже в центре? А в каком ты классе?

– В одиннадцатом.

Лёша остановился перед их дверью.

– Я тоже, только в семьдесят третьей. Тут рядом. Далеко тебе будет ездить...

Мика пожала плечами – а что поделать?

Раскладушку этот Лёша не только занёс, но и извлёк из чехла, а потом и разложил.

– Тут вот пружинка прорвала ткань, видишь? Торчит. Не поранься.

– Спасибо, – улыбнулась Мика, поблагодарив его в который раз за вечер.

Уже и неудобно было раз за разом повторять "спасибо", а он всё не уходил. Заметил, что в серванте одна из дверок провисла, и сразу деловито спросил:

– Есть отвёртка?

– Поздно уже.

– Да тут делов-то одна минута... Подтяну быстренько лягушку, и всё нормально будет.

– Нет у нас отвёртки, – вмешалась бабка. – Завтра приходи со своей.

– Ну можно ножом попробовать...

– Что, Лёшка, – усмехнулась бабушка, – Мика понравилась?

И тут богатырь так густо залился краской, что светлые волосы стали казаться совсем белыми.

– Да просто не люблю, когда что-то сломано, – буркнул он и сразу же засобиравшись к себе.

– Ба, ну зачем ты так с человеком? – укоризненно спросила Мика, когда дверь за Лёшей захлопнулась. – Смутила беднягу.

– А чего тут смущаться? Дело молодое.

Но на следующий день Лёша всё же пришёл с инструментами. И дверцу им подтянул, и полку для книг прикрутил, и шифоньер по просьбе бабки передвинул, поставив поперёк комнаты, чтобы у Мики был свой закуток.

Лёша Ивлев оказался прав – ездить в школу оказалось очень далеко, но это ещё полбеды. Хуже то, что это было крайне сложно и мучительно: с двумя неудобными пересадками.

С неделю так помыкавшись, Мика решила, что права бабка – зачем себя истязать, когда в пяти минутах ходьбы есть районная школа. Не хотелось, конечно, покидать родной класс, но этот квест с препятствиями измотал её до невозможности. А ведь ещё даже холода не настали.

Лёша, который почти каждый вечер к ним навещался, тоже закидывал удочки: то в красках расписывает, какая у них хорошая школа и какой дружный класс, то обронит, что было бы здорово, если б Мика училась с ними...

Бабка довольно быстро всё уладила, хотя ворчала, что пришлось мотаться по городу с больной спиной. Но с октября Мика перевелась в новую школу.

Зачислили её в 11 «Б», в тот же класс, в котором учился Лёша Ивлев. Это было хорошо. С ним появиться не так страшно, думала Мика. Не то чтобы она слишком уж боялась, но всё-таки нервничала. Неизвестно же, что и как будет. Вдруг её примут в штыки?

Робостью Мика не страдала, но с людьми сходилась тяже-

ло. Особенно со сверстницами. Всякое случалось, и плохое тоже. Такое, что хочется забыть, но оно вечно всплывает в самый неподходящий момент. Вот и сейчас вдруг вспомнилось, как в тринадцать лет её отправили в летний лагерь. Она так радовалась, что поживёт хоть немного без отчима – он уже тогда ей осточертел. Так рвалась в этот лагерь, ждала, дни считала, а попала во враждебную обстановку.

Девочки из её отряда невзлюбили Мику буквально с первого дня. Она даже не понимала, за что. Любые её попытки подружиться с ними оборачивались злыми насмешками, какими-то подлыми выходками и унижением. Потом они и вообще её побили. И всё, как оказалось, из-за мальчика, который нравился многим, но обращал внимания только на Мику.

В её классе подобных законов джунглей не было, но вдруг здесь так? Или ещё как-то, но тоже плохо?

Лёша зашёл за ней утром и всю дорогу до школы подбадривал:

– Да у нас нормальный класс. Девчонки нормальные. Мы часто собираемся в нашем дворе или у кого-нибудь. У нас полкласса живёт в наших домах. Ты с ними подружишься, вот увидишь.

До звонка ещё оставалось время, и на широком крыльце школы, возле одной из колонн, стояли несколько парней. Они о чём-то оживлённо беседовали, смеялись, подтрунивали друг над другом.

– Наши, – кивнул на них довольно Лёша.

Один из них, мелкий, юркий, в шутку пнул под зад другого, долговязого. Тот дёрнулся, взмахнул длинными руками, но коротышка успел отскочить на безопасное расстояние и, сгибаясь пополам, ухохатывался. Долговязый не стал его ловить, а громко, на весь школьный двор обматерил его ломающимся басом.

Лёша бросил на Мику быстрый виноватый взгляд. Она подавила улыбку. Какой всё-таки этот Лёша забавный и милый...

Неугомонный коротыш начал доставать ещё кого-то, но тут чуть не выхватил подзатыльник. Резко метнулся назад, как раз когда Мика и Лёша поднимались по ступеням, и чуть не налетел на них. Лёша вовремя прихватил его за пиджак.

– Потихе, Жоржик, – цыкнул на него.

Тот хотел что-то ответить, но, увидев Мику, застыл с приоткрытым ртом. Тут уже и остальные парни её заметили, расступились, повернулись к ним, глядя на неё с нескрываемым любопытством.

– Лёха, – наконец прорезался голос у мелкого, – мы про тебя чего-то не знаем?

– Ты, Жоржик, про меня вообще ничего не знаешь, – добродушно сказал Лёша, пожимая парням руки. – Пацаны, это Мика. Микаэла, будет учиться в нашем классе.

– Новенькая? – присвистнул Жоржик.

Не обращая на него внимания, Лёша представил ей остальных:

– Костян, Гарик, Дэн, Тоха...

Мика приветливо им улыбнулась, понимая, что не запомнила ни одного имени. Ничего, ещё успеет всех узнать.

– А ты к нам откуда? – не отставал Жоржик.

– А это Женька Колесников, – кивнул Лёша на последнего парня, стоявшего чуть в стороне от всех, привалившись плечом к колонне и спрятав руки в карманах.

Мика повернулась к нему с вежливой, но вполне искренней улыбкой и... почувствовала, как эта самая улыбка застыла на лице дурацкой гримасой. Как? И он здесь?

Это был тот самый парень, которого она видела во дворе полторы недели назад. Тот, который больше всех подтянулся на турнике. Тот, который наблюдал за ней. Он и сейчас её разглядывал. Не так, как все. Те смотрели со смесью любопытства, удивления, растерянности. Ну и не без смущения, опять же.

А этот наблюдал с еле заметной полуулыбкой. Неотрывно, нескромно, даже немного нахально. Смотрел так, будто знает про неё что-то пикантное, и это его забавляет. Смотрел, чуть подщурив веки, так что глаза тонули в тени густых ресниц.

Во рту он держал зубочистку, как сигарету, слегка её передвигая между губ. Почему-то от этого, по сути, невинного занятия сквозило такой откровенной чувственностью, буквально на грани непристойности, что Мика смутилась.

Это вообще было странно, но и тогда, и сейчас от его

взгляда Мике сделалось не по себе. Даже затылок взялся мурашками, как от холода. А щеки, наоборот, опалило жаром. А ведь не он первый, не он последний так открыто её разглядывает. Интерес к себе у противоположного пола она начала замечать ещё лет в четырнадцать, если не раньше. Давно привыкла к мужским взглядам – пристальным, восхищённым, дерзким, робким, раздевающим, словом, всяким. Иногда это раздражало, иногда – смешило, но вот так смущалась она впервые. И не понять, почему.

Мика отвернулась от него. Переспросила коротыша, которого все звали Жоржиком. Тот повторил свой вопрос:

– А ты откуда к нам?

– Я в двадцать четвёртой училась. Это в центре...

– Переехала? – спросил долговязый. – А Лёху откуда знаешь?

– Мы соседи, – ответила Мика, подмечая, как остальные парни неосознанно подбоченились. С одной стороны в их лицах и жестах проскальзывало юношеское смущение перед ней, а с другой – каждый из них так и норовил завладеть её вниманием. Кроме этого, с зубочисткой, разумеется. Тот ни слова ей не сказал, не подошёл ближе. Так и держался поодаль, со стороны взирая на неё и на это токовое игрище самцов со снисходительной усмешкой.

Мика старалась его не замечать, не смотрела туда, где он стоял, слушала слова других мальчиков, улыбалась им, отвечала, но даже не видя, ощущала его присутствие.

Это потому что он так нагло на неё пялится, объяснила она себе собственные ощущения. Конечно, это нервирует! А интересно, он вспомнил её? Узнал? Ой да, конечно, узнал! Наверняка потому и пялится, что узнал.

Тут к ним подлетела девушка в коротенькой юбочке и на высоченных каблуках. Мика невольно отметила, что в двадцать четвёртой её за такой смелый наряд развернули бы с порога. Тут же, видать, нравы были куда демократичнее.

Девушка поздоровалась с парнями, кокетливо и игриво.

– Сонь, познакомься, это Микаэла. С нами будет учиться.

Соня скользнула по ней беглым, но в то же время цепким взглядом. И хотя вполне дружелюбно улыбнулась, но Мика мгновенно ощутила недобрую настороженность. Соня ей однозначно не рада. Более того, в её жестах, интонации, взгляде явственно читалось незримое послание – своего рода предупреждение: «Даже не думай посягать на мою территорию. Держись скромненько в сторонке, если не хочешь проблем».

– Звонок уже скоро, – сказала Соня парням, – долго вы ещё тут стоять собираетесь?

Потом повернулась к тому, с зубочисткой:

– Привет, Жень. Идёшь?

Он отпружинил от колонны, гибко, по-кошачьи двинулся к ним. Мика зачем-то бросила на него быстрый, неловкий взгляд – он, слава богу, не видел. Перестал наконец её разглядывать.

– Иду, Солнце, – всё с той же полуулыбкой произнёс он,

чуть растягивая гласные. По-хозяйски приобнял Соню за талию и повёл за собой к дверям.

За ними в школу потянулись и остальные.

Первые дни Мика волей-неволей сравнивала эту школу с прежней и удивлялась, насколько здесь всё иначе. После строгих, а в чём-то даже чересчур строгих, порядков, царивших там, ей казалось, что здесь – полнейший разброд и шатание. Причём во всём.

Это касалось не только пресловутого дресс-кода, которого в той школе придерживались неукоснительно, порой доводя ситуацию до абсурда. Так, например, однажды Мику отправили с уроков домой за неподобающий вид всего лишь потому, что она пришла в чёрной юбке, тогда как «цвет» школы был синий.

Тут же ни о чём подобном даже не слышали. Мини-юбки, пёстрые блузки, декольте, кожаные леггинсы – пожалуйста. Яркий макияж, смелые причёски, дреды, пирсинг – да ради бога. Разве что тоннелей и ирокезов пока не встречалось, но в параллельном классе училась девочка с волосами цвета фуксии. И никого, в том числе учителей, её вид ничуть не смущал.

Парни тоже ходили кто во что горазд – в свитерах, толстовках, джинсах, спортивном. Для Мики, привыкшей видеть мальчиков в элегантных костюмах и при галстуках, такая свобода казалась попросту анархией.

Дисциплина тоже хромала на обе ноги. И если на уроках ещё соблюдался какой-никакой порядок, то на переменах творилась сушая вакханалия. Те, что помладше, с диким ором носились по коридорам, сшибая на пути всех и вся. Те, что постарше, умудрялись отвешивать им пинки на ходу. Старшеклассники и старшеклассницы курили в уборных, но это они хотя бы делали тайком от учительских глаз. А вот обнимались-целовались в открытую... не все, конечно. И не все так уж напоказ. Но хватало и одной парочки, которая постоянно мозолила глаза.

На каком бы этаже они ни занимались, Соня Рогозина и Колесников почти перед каждым уроком торчали у окна напротив кабинета и целовались. Иногда это выглядело нарочито и вульгарно.

Мика умерла бы скорее, чем позволила себе подобное. А Соне явно нравилось вот так откровенно показывать всем их "любовь", она обнимала его за шею, взъерошивала на затылке волосы, а порой ещё и без стеснения обвивала его ногами.

Но никто не делал им замечаний. Ни учителя, ни завучи. Некоторые одноклассники, тот же Жоржик, изредка отпускали в их адрес скабрзные шуточки, но в целом никого эти вольности не шокировали. Кроме Мики. Она мимо этой парочки проскакивала пулей и старалась даже не смотреть, потому что было неприятно и почему-то стыдно.

Соня, как-то поймав её мимолётный красноречивый взгляд, фыркнула и насмешливо назвала её ханжой.

Правда, позже, как раз после Сониного выпада, Мике показалось, что Колесников не то чтобы конфузился – испытывать конфуз он в принципе, похоже, не способен, – но как будто уклонялся от этих прилюдных нежностей. Не грубо, а с улыбочкой, как будто играя, отводил от себя Сонины руки, а то вообще оставался на переменах в классе, переговаривался с парнями, игнорируя её манящие знаки.

А однажды во время физкультуры у Мики лопнул ремешок на часах, прямо посреди урока. Физрук разрешил отлучиться – отнести их в раздевалку, чтобы не сломать, не потерять.

Едва шагнув в "предбанник", она услышала, что там кто-то есть. Из раздевалки явственно доносилась какая-то возня, а затем она и голоса услышала.

– Соня, ты чего так разошлась? Ну-ну, тихо, Солнце, успокойся... Ты же поговорить о чём-то важном звала, ну? Да, блин, Соня, всё, короче, завязывай. Сюда же могут войти, – узнала она Колесникова.

– Да кто сюда войдет, кроме наших девок? А они и так всё знают. Как зайдут, так и выйдут. Ну же... тебе же вот так нравится...

Мика остолбенела перед дверью. Что они там вытворяют?

– Соня, да перестань ты, говорю! Или я пошёл.

Возня прекратилась.

– Я тебе больше не нравлюсь? – спросила Rogozina с заметной обидой.

– Да нравишься, нравишься...

– А что тогда?

– Ничего.

– Оно и видно, что ничего. Ты очень изменился, Женья.

Избегаешь меня, отталкиваешь, – упрекала Соня.

На это он смолчал.

– Приходи вечером. Придёшь? – тут же смягчилась она.

– Не знаю.

– Всё ясно. Знаешь, Женечка, я же себе и другого могу найти запросто.

Он издал смешок. Мика, поколебавшись, убрала часы в карман спортивной кофты и тихонько вышла в коридор. Не хотелось оказаться наедине с этой парочкой. Рядом с ними она и так всегда напрягалась, а сейчас и вовсе стало не по себе. Может, ей просто не нравилась Соня? Или Колесников...?

Нет, на Рогозину ей, по большому счёту, было плевать. А вот Колесников... он ей, конечно, не нравился! Его самодовольство подчас просто бесило! Что бы Колесников ни делал – играл с парнями в баскетбол, отвечал у доски или вот обжимался с Рогозиной – он всегда будто красовался. Погляди-те, какой я молодец, полюбуйтесь мною. Типичный нарцисс.

Даже когда его вызывали, и он ни черта не знал – он не тушевался, не сочинял отговорок, не спорил с учителем, как другие. Он с этой своей насмешливой полуулыбочкой честно говорил: не готов. Почему? Забыл, гулял, неохота было –

любой вариант на выбор. И очередную заслуженную двойку принимал с бесконечным пофигизмом.

Девочки взирали на него, как на идола, мечтательно вздыхая. А Мике казалось, что даже эта его честность – такое же выступление напоказ, игра на публику. И ведь это работало!

Ещё и не всякий учитель ставил ему двойки, больше грозились. Пожалуй, только физик был суров и принципиален, а женщины-педагоги велись на его улыбочки и прощали ему все грехи. Даже классная, грубоватая и вечно раздражённая, заметно смягчалась, когда обращалась к нему.

А что уж говорить о девчонках? Колесникову даже не приходилось просить списать – они наперегонки сами ему предлагали, а он принимал их помощь с ленивым благодушием: ну ладно уж, так и быть, возьму, раз предлагаете.

Нет, не все девчонки, конечно, заглядывались на него, далеко не все, просто шуму от той горстки было столько, что казалось, со всех углов летят вздохи: Женя, Женечка!

Хотя и остальные относились к нему очень благосклонно. Лидером он не был – парни больше прислушивались к Лёше Ивлеву. Но Колесников никому своего мнения и не навязывал. Ему нравилось нравиться, а не верховодить. Так что он вполне тянул на роль всеобщего любимчика.

Из всего класса, наверное, только Вера Тихонова категорически не разделяла этих восторгов. Не вилась вокруг него, не пыталась завладеть его вниманием, да вообще к нему не подходила и даже здоровалась сквозь зубы.

Мика не сразу узнала её – миловидную хрупкую блондиночку. Только когда услышала, что её все в классе зовут Тишей – вспомнила. И ведь ещё тогда она заметила в ней натянутость, ну а сейчас неприязнь Веры к Колесникову на фоне всеобщей любви просто бросалась в глаза, как чернильная клякса на белом листе.

Позже одноклассницы – Альбина и Света – просветили, что в прошлом году Вера с Колесниковым встречалась. Сама Мика ничего у них не выпрашивала – так зашёл разговор.

– А тебе у нас как, нравится? – обратилась к Мике Света Скороходова, сидя рядом в столовой.

– Да, – не глядя, кивнула Мика, теребя котлету вилкой.

– А где лучше там, в двадцать четвёртой, или у нас? – поинтересовалась Альбина.

– Не знаю, – покривила душой Мика.

Ну, разумеется, там. Эту школу с прежней даже рядом нельзя поставить. Это как сравнивать вагон-люкс и плацкарт. А какие там сильные предметники, какой высокий уровень знаний. И ещё там нет никого, кто бы настолько её нервировал одним своим присутствием, как Колесников. Но всего этого девчонкам не скажешь ведь.

– А из наших пацанов тебе кто-нибудь нравится? – не отставали девчонки.

– Да вроде все нормальные. Лёша так вообще... – Мика улыбнулась, не зная, какое слово для него подобрать. Нашла его взглядом – он сидел за одним столом с парнями и,

несмотря на оживлённую беседу, тотчас посмотрел на неё в ответ, словно почувствовал. Порозовев, улыбнулся ей.

Хорошо, что Колесников в столовую принципиально не ходил. Перебивался газировкой и шоколадками, которые покупал иногда в павильоне рядом со школой. Лёша по секрету рассказал ей, смеясь, что тому, оказывается, плохеет от насекомых, во всяком случае от тараканов, хоть сам он ни за что в этом не признается. Но узрев однажды в столовой таракана, Колесников теперь близко сюда не подходит, брезгует. Впрочем, Мика и сама теперь опасливо озиралась во время обеда.

– Да, Лёшка – классный пацан, – подтвердили девочки и с придыханием спросили: – А что у вас с ним?

– Ничего такого. Мы просто друзья.

– У-у, – разочарованно протянула Альбина. – А мы думали, вы типа вместе...

– А Женя как тебе? – спросила Света.

– Не знаю. Никак.

– Ой да ладно! – засмеялись обе. – Он же у нас такой красавчик. Что, скажешь, нет?

– Наверное, – пожала плечами Мика.

– За ним девки видела как бегают? Но Рогозина, не Тиша, она к нему никого и близко не подпускает.

– Ага, цербер, – хихикнула Альбина.

– Тиша? Вера Тихонова? А при чём тут она? – не поняла Мика. – Как мне показалось, она, наоборот, его недолюбли-

вает.

– Ага, недолюбливает, – хмыкнула Света. – Сонька же отбила Колесникова у Тихоновой. Не знала? Что, никто не поведал ещё? Так вот, они раньше типа встречались. В прошлом году.

– Ой, да какой там встречались? – скривилась Альбина. – Три раза по району прошвырнулись под ручку и всё.

– Ну я и говорю – типа. Он с ней так просто ходил, а Тиша сразу решила, что у них там всё серьёзно. Вот теперь и молча ненавидит обоих. А когда думает, что никто её не видит, смотрит на него как больная собака.

Света состроила молящую, мученическую гримасу. И девчонки захохотали.

Мика поспешно подхватила полупустую тарелку и поднялась из-за стола. Потешаться над чужой драмой ей уж точно не хотелось.

Забавно, но вечером того же дня Лёша Ивлёв, зайдя к ним на чай, спросил её почти то же самое:

– Ну как тебе у нас? Никто не обижает?

– Да ничего, жаловаться не на что, – честно ответила Мика.

– Видел, ты с девчонками сегодня общалась...

– Да, немного.

– Ну и как? Ни с кем ещё не подружилась?

– Нет пока.

– А Женька как тебе? Колесников?

Такой вопрос из уст Лёши её удивил, но она честно задумалась. Как он ей? Он и до разговора в столовой не особо ей нравился, а теперь так вообще вызывал жгучее отторжение. Павлин, которому в радость наблюдать, как из-за него страдают девчонки. Бросил одну и хватается наглости обжиматься у неё на глазах с другой. Нет, Мика таких терпеть не могла. Но этот Колесников был другом Лёши, а Лёша – её друг, поэтому она замялась, осторожно подбирая слова, чтобы его ненароком не обидеть.

– Ну так... Я вижу, что он у вас популярен, но... в общем, Лёш, в число его поклонниц я не вхожу.

Лёша неожиданно рассмеялся.

– Слышал бы он... Это был бы жестокий удар по его самолюбию.

И месяца не прошло, а Мика вполне себе освоилась в новой школе. Привыкла и к здешним нравам, и к новым одноклассникам. Всё и правда оказалось не так страшно, зря переживала. Мику приняли вполне дружелюбно, хотя в этом, скорее, заслуга Лёши Ивлева.

Первую неделю-полторы он ни на шаг от неё не отходил. Следил, как бы кто не обидел его соседку, водил её из кабинета в кабинет, чтобы не потерялась в лабиринте коридоров, провожал из школы домой, даже когда самому надо было остаться после уроков на секцию баскетбола. Потом просто бегом мчался назад – Мика видела из окна.

Другие парни тоже отнеслись к ней с теплом и вниманием. Порой из кожи вон лезли лишь затем, чтобы она им улыбнулась. На переменах так и вились рядом. Причём все. Кроме Колесникова.

Нет, тот тоже ничем и никак её не обижал, а внимание его Мика чувствовала постоянно. И пару раз он с ней даже заговаривал. Но это было совсем другое внимание. Он её просто разглядывал как новый интересный экземпляр – так, во всяком случае, Мике казалось. Следил за ней со своей задней парты, чуть подщурив веки, отчего глаза прятались в тени густых ресниц. И те его несколько фраз, которые он ей

бросил, больше напоминали не проявление дружелюбия или интереса, а ленивый флирт. Когда, вроде как, всерьёз «окучивать» неохота, но привычка есть привычка, никуда от неё не денешься. Мику это только злило.

С девчонками тоже, как ни странно, удалось подружиться. Хотя и здесь тоже Лёша постарался. Да и не со всеми получилось наладить контакт, но идеально же не бывает.

Заметив, что поначалу одноклассницы не слишком рвались принять новенькую в свои ряды, он уговорил Веру Тихонову организовать у себя вечеринку и чтобы непременно та лично позвала Микаэлу. Вера согласилась. Подошла к ней после уроков, отозвала в сторонку.

– Завтра в шесть у меня дома собираемся. Приходите с Лёшкой.

Мика сначала колебалась, не любила она все эти молодёжные тусовки и попойки, но Лёша и её уломал. И даже бабулю взял на себя. Хотя та не так уж и противилась, что неожиданно. Почему-то с внучкой она не была такой суровой и категоричной, как с матерью. Единственное, ещё в первый день переезда, предупредила Мику, что берёт её к себе с условием: никаких гулянок и никаких мальчиков. Последнее её особенно заботило.

«Узнаю, – говорила, – что ты с каким-нибудь кобелем таскаешься – тотчас выгоню. Вернёшься к своей дуре-матери. Не хватало, чтоб ещё и ты мне приволокла в подоле. Мне одного позора хватило».

Но в целом они жили душа в душу. За весь месяц ни разу не поссорились, ни разу Мика от неё не услышала оскорбительного слова, да и сама прониклась к ней теплом и уважением. Даже в мыслях незаметно для себя стала называть её бабулей или бабушкой вместо привычной "бабки", перенятой с детства от матери. И вовсе не скучно с ней оказалось. Она хоть и была грубоватая, но умная, много всякого интересного знала. Мика с удовольствием слушала вечерами её рассказы, особенно про деда, её мужа, который тоже был хирургом, но рано погиб. Слишком рано, Мика его даже не застала.

Бабуля хоть и ворчала, что не любит пустую болтовню, но сама, бывало, как увлечётся историями из прошлого, так до полуночи не могла остановиться. А Мика слушала и недоумевала: почему мать так её ненавидела и страшилась? Она же мировая бабушка.

Впрочем, соседи бабулю тоже побаивались. И даже Лёша при ней то бледнел, то краснел, то заикался. И всё же вызвался "отпросить" Мику.

Вечеринки бабуля, конечно, резко осуждала, но тут, что удивительно, уступила почти сразу. Только когда он забежал за Микой, она с самым грозным видом вышла их проводить и предупредила:

– Головой за неё отвечаешь, понял?

– Да всё будет хорошо, честное слово. Обещаю, – заверил её Лёша. – Я с Мики глаз не спущу.

– Ну, смотри мне.

Вера Тихонова жила в этом же дворе, в доме напротив. Родители её как раз уехали на дачу собирать последний урожай, оставив квартиру в распоряжении дочери на все выходные.

Вера и распорядилась: позвала кое-кого из класса, кое-кого со двора. В итоге – народу набилась полная квартира.

Вначале гости расположились в большой комнате. Расселись прямо на ковре кругом, кто – полулёжа, кто – по-турецки. Одна Мика пристроилась на диване с краю. Стол тоже игнорировали, выгружая пиво, чипсы, орешки и прочую пивную дребедень сюда же, на пол, посередине круга.

Лёша, взяв две банки, переместился к ней на диван. Одну банку протянул Мике, но когда она отказалась, все сразу возмущенно загудели. Пришлось взять. Слава богу, пьет она или нет – никто уже не следил. Кроме Лёши, но тот помалкивал.

– А Жени не будет? – спросила Оксана Громова.

В классе её все звали Громозой. Ну, кроме Колесникова – тот если и обращался к ней, то исключительно по имени. Он вообще со всеми девочками был очень приветлив. Тихонову вот тоже называл Верой, а не как все – Тишей. И на её грубости не вёлся. Повадки прирождённого ловеласа, дума-

ла Мика.

Оксане её прозвище наверняка досталось по фамилии, хотя она и сама по себе была крупной, высокой и мощной. А главное, замашки у неё были характерные: чуть что, она сразу вскидывала здоровенный кулак и сурово обещала: «Щас как дам».

До восьмого класса, рассказывал как-то Лёша, Оксана и правда постоянно дралась. Причём чаще с мальчишками. Девочки её остерегались. А в пятом классе Громова отлупила двух семиклассников за то, что те до этого побили Женю Колесникова.

– Эй, Тиша? – громче повторила Оксана, когда Тихонова так и не ответила на её вопрос. – Женька будет?

– Я его не приглашала, – наконец ответила хозяйка холодно и сухо. – И Рогозину тоже.

Мика уловила, как Света и Альбина переглянулись. Тихонова тоже заметила их ухмылки, нахмурилась, но лезть на рожон не стала. Да и разговор сразу ушёл в другую степь: обсудили грядущую школьную дискотеку, перемыслили кости учителям, немного поклевали и друг друга, но больше в шутку.

Иногда девчонки спрашивали что-нибудь и у Мики, но обращались к ней как-то по-особенному: доброжелательно, но немного официально, словно не решались нарушить дистанцию. Как если бы она была не их одноклассницей, а, допустим, чьей-то мамой. Разве что не «выкали».

Правда, так было, пока народ не начал хмелеть. Потом все грани и рамки постепенно стёрлись. Говорить стали шумно и хором, хохотать по поводу и без. Народ уже не сидел на месте – постоянно кто-то уходил-приходил, по одному, парами, группкой. Только Лёша, как верный страж, оставался рядом с Микой, а если и отлучался, то ненадолго. Он будто чувствовал, что Мике здесь неуютно, и бросал на неё виноватые взгляды.

Мике и впрямь хотелось уйти домой, она уже подумывала о том, чтобы попрощаться, как Оксана, которая хохотала раскатисто и громко, внезапно замолкла, перевела на неё мутноватый взгляд и, выставив в её сторону указательный палец, заявила:

– Новенькая, давно хотела спросить. А ты чего такая, а?

Мика даже уточнять не стала – какая такая. Пьяных она с детства терпеть не могла и считала, что реагировать на них бессмысленно. Лучше просто не замечать. Вот и сейчас она на Оксанин выпад и бровью не повела.

Вместо неё Света с Альбиной заинтересованно спросили в голос:

– Какая?

– Сидит тут такая цаца, смотрит на всех свысока, фигню всякую про нас думает. Да, девки?

Мика продолжала молчать, глядя на Оксану с невозмутимым равнодушием, как, например, на голую стену, выкрашенную в тоскливый серый цвет.

– Громозека, не заводись, – бросил кто-то из парней. – Оставь Мику в покое.

Оксана, кряхтя и покачиваясь, поднялась с пола во весь свой немалый рост.

– Щас кому-то покажу Громозеку! Для тебя я Оксана Ивановна, ясно? – рявкнула она и снова повернулась к Мике. Прищурилась, скрестила на груди руки. – Так что скажешь, новенькая? Молчишь? Типа чё? Ты такая у нас вся принцесса и с плербсом не разговариваешь? Ты чего на меня так смотришь? Девки, а вы-то что молчите? Она на нас всех смотрит, как на кусок грязи. Нос свой воротит... цаца... А чего тогда сюда притащилась?

– Я её позвала. Успокойся уже! – окрикнула её Вера Тихонова.

– А я спокойна. Меня просто бесят вот такие... строят из себя не пойми что. Царевна, блин, Несмеяна.

– Что тут происходит? – Это вернулся Лёша, а следом за ним в комнату вошёл Колесников.

– Да вот Громозека разбушевалась, – хохотнул Жоржик и тут же получил от неё затрещину.

– Я малышей не быю, но для тебя, хорёк, сделаю исключение, – уже без всякой злобы сказала ему Громова. Увидев Колесникова, она сразу потеряла к Мике интерес. Даже глаза прояснились и заблестели.

– О-о-о! Какие люди! Онегин! – прокатилось дружное. Все тотчас забыли о назревающей ссоре. – А где Соньку по-

терял? Онегину пивас дайте!

– Жень, иди к нам! – позвали девочки.

Но он, подарив одноклассницам ослепительную улыбку, плюхнулся на диван рядом с Микой, там, где до этого сидел Лёша Ивлев. Лёша немного помялся, но не стал садиться с другой стороны от него. Пристроился на подлокотник тоже возле Мики. Наклонился, шёпотом спросил:

– Ты как, всё нормально?

– Да, но я уже скоро пойду.

– Я тебя провожу.

Мика чувствовала – Колесников прислушивался к их разговору, хоть и не подавал виду. Отшучивался, заигрывал со всеми девчонками подряд напропалую, Мику будто и не замечал. Да и она сама не могла объяснить, что это было. Просто внутреннее напряжение, которое возникло с его появлением и которое как будто обострило её восприятие. Вот Колесников просто сидел рядом, не касался её, болтал, шутил, смеялся, вроде даже естественно и непринуждённо, а всё равно она безошибочно улавливала в нём... что? Скрытый интерес? Не только. Такое же напряжение? Да, скорее всего. Но почему так – не понять... Но что ещё непонятнее – так то, зачем она продолжала тут сидеть. Ведь чувствовала себя не в своей тарелке, и неинтересно ей тут было, а буд-то приросла к этому дивану и тоже, не показывая виду, прислушивалась зачем-то к его разговору с одноклассницами. Смотрела на Лёшу, отвечала Лёше, а сама ловила каждое

СЛОВО.

– Жень, а Тиша сказала, что она тебя не позвала, – за-
чем-то сообщила Света Скороходова.

– Да, не позвала, – вспыхнула Тихонова. – Мой дом. Кого
хочу – того зову.

– Лучше бы кое-кого другого не позвала, – Громова
стрельнула взглядом в Мику, но та снова не повелась на её
вызов.

– Мне уйти? – спросил Колесников.

Девчонки сразу загалдели, и понеслось как снежный ком:
нет, останься! Жень, что ты её слушаешь! Молодец, что при-
шёл! Тиша, скажи, ну! Чего ты как дура? Сами вы дуры!
Идите к чёрту! Вот ты овца, Тиша! Сами вы овцы! Комнат-
ные собачки!

А в следующую минуту кто-то из них кому-то вцепился в
волосы и завертелось... Лёша кинулся разнимать одноклас-
ниц, но его богатырской силы хватило лишь на то, чтобы
удерживать Оксану Громову. Колесников тоже вклинился,
пытаясь загородить собой Тихонову, на которую все резко
ополчились: "Девочки, девочки, брейк!".

Но даже его они сейчас не слушали.

Остальные парни не рвались вмешиваться, а Жоржик так
и вовсе сразу принялся снимать потасовку на телефон, со-
провождая происходящее едкими комментариями.

– Блин, пацаны! – рявкнул Лёша. – Да что вы как бараны?
Растащите вы их уже!

Мика первые несколько секунд взирала на всё это круглыми глазами. Потом, как только шок стих, подскочила, не дожидаясь, чем закончится побоище. Тихонько проскользнула в тёмную и тесную прихожую. Не включая свет, накинула плащ, наощупь нашла свои туфли и уже потянулась к замку, как из-за спины высунулась чужая рука, опередив её, повернула защёлку и открыла дверь. Вздвогнув, Мика обернулась.

Прямо позади неё стоял Колесников. Собственно, что это он, Мика поняла даже до того, как посмотрела назад. От затылка по спине пронеслись мурашки. Внутри мелко завибрировало, словно лопнула натянутая струна. Несколько секунд они просто стояли на пороге, молча поедая друг друга глазами.

Потом Мика поспешно отвернулась и вышла в подъезд. Колесников увязался следом. Это было совсем-совсем не кстати. Она чувствовала, как щёки опалило стыдливым румянцем, хотя это не беда – в подъезде был полумрак, а на улице – так вообще темень непроглядная. Но всё равно с чего бы? Откуда такая реакция? Подумаешь, посмотрели друг другу в глаза в чужой тёмной прихожей. Подумаешь, она вдохнула его запах, пусть он и оказался неожиданно приятным. Даже, скорее, не приятным, а будоражащим. Подумаешь, ощутила на щеке его горячее дыхание. Это всё было сиюминутным. И вообще, это ерунда же!

Мика, закусив нижнюю губу, спускалась по лестнице вниз. Колесников шёл сзади. Она слышала его лёгкие шаги

за спиной, шорох его одежды, еле уловимое дыхание и нервничала ещё больше. Ну куда это годится?

Из квартиры Тихоновой на весь подъезд то и дело раздавались вопли, крики, звон и грохот.

– Решила сбежать? – наконец нарушил молчание Колесников.

Мика лишь неопределённо повела плечом.

– Тоже не любительница экстремальных видов спорта? – снова спросил он, поравнявшись с ней.

Она непонимающе взглянула на него.

– Женские бои – это ж капец какой экстрим, – пояснил он с усмешкой, распахивая перед ней дверь на улицу.

– А-а, – кивнула она. – Ну да. Очень даже не любительница.

Потом подумала: может, надо тоже что-то сказать? Молчание было неудобным, острым, напряжённым. Но он же больше ничего не говорит, значит, и ей необязательно. И хотя идёт рядом, конечно, но на небольшом расстоянии, держа руки в карманах.

Они пересекли двор, дошли до подъезда Мики.

– Тебя проводить? – спросил он, подняв глаза на её окна. Кухонное было тёмным, в комнате – мерцало голубоватым. Видимо, бабка смотрела телевизор, поджидая её.

– Нет, не надо, – торопливо отказалась Мика.

– Ну тогда пока, – вместо улыбки он приподнял уголок рта.

Она кивнула и устремилась в подъезд. Сердце колотилось гулко, заглушая собственные шаги. На второй этаж она взлетела стремительно, а возле квартиры остановилась. Просто-ля так несколько секунд, выравнивая дыхание. Вроде успокоилась.

Но потом, ночью, не спалось. И думалось почему-то вовсе не о дикой потасовке на вечеринке у Веры, не о наездах Гро-мовой, а об этих нескольких мгновениях, незначительных, но смутно-волнующих.

В понедельник Оксана Громова , прямо с утра, выловила Мику возле гардероба и извинилась.

– Я это... погорячилась малость... Бывает... Ты это... извини.

– Бывает, – равнодушно согласилась Мика. Она и думать забыла про нападки Громовой.

– Значит, мир? – Оксана выставила вперёд кулак и, очевидно, ждала какого-то ответного действия. Мика вопросительно посмотрела, не совсем понимая, что та от неё хочет. Тогда Громова несильно ткнула кулаком ей в плечо и сама закончила: – Мир.

Поднимаясь в класс, Мика думала, как, интересно, будут общаться между собой остальные девчонки, они же с таким остервенением дрались в пятницу. Она вот точно не смогла бы вести себя как ни в чём не бывало. Если б её кто-нибудь из них ударил – ни за что не простила бы.

Но, войдя в класс, Мика обнаружила, что никто ни на кого зла не таит, никого произошедшее не смущает. Девчонки общались друг с другом, как и раньше, до той вечеринки. А потасовку вспоминали со смехом.

Сгрудившись кружком у окна, смотрели запись Жоржика с его телефона и ухохатывались, отпуская по ходу реплики.

– Бедный Лёшка! Громозека, ты ж ему чуть хребет не сломала!

– Ага! Это ещё большой вопрос – кто кому чуть хребет не сломал! У меня от его лап синячищи!

– Алька как мартышка скачет!

– Блин, вот почему у меня спина болит!

– А Тиша-то! Тиша! Сколько энергии! Сколько ярости! Хабиб отдыхает!

– О-о-о, смотрите-ка, Скороходова заголила грудь! Вау!

– Да где там вау? Не льсти ей.

Мика взирала на них молча, стараясь не выказывать недоумение. Всё-таки она никак не могла привыкнуть к местным нравам.

Соня Рогозина тоже не разделяла всеобщего веселья. Но если сначала она просто косилась на девчонок с деланным безразличием, мол, не позвали меня с собой, ну и ладно, не очень-то и хотелось. Но когда кто-то из них громко воскликнул, что если б не Онегин Тише бы не поздоровилось, Соня аж лицом потемнела.

– Мика, Колесников с тобой ведь ушёл? – на весь класс спросила Вера Тихонова. – Вы как-то с ним вместе разом исчезли.

Мика видела, что она это сделала нарочно – чтобы ещё больше насолить Рогозиной. И хотя Рогозина ей самой не особо нравилась, быть пешкой в такой дешёвой манипуляции не хотелось.

– Я ушла домой, – холодно ответила она. – Куда отправился Колесников...

– Колесников тоже отправился домой, – вдруг перебили её.

Мика вздрогнула от неожиданности, оглянулась и почувствовала, как к лицу прихлынула кровь – на пороге класса стоял он собственной персоной со своей извечной полуулыбочкой. Неспеша он прошествовал к последней парте, опустился на стул рядом с Соней.

– Чего такая злая? – спросил он её беспечным тоном.

Рогозина в ответ что-то шикнула, Мика со своего места не разобрала. Да и какая разница, о чём они там шепчутся, одёрнула она себя, когда заметила, что невольно прислушивается. И так неудобно получилось. Хотя, собственно, что тут неудобного? Ничего такого она не сказала, всего лишь назвала его по фамилии. И почему вдруг так смутилась – непонятно...

За этим мысленным диалогом с собой Мика провела не только оставшиеся минуты до звонка, но и почти весь первый урок. Опомнилась лишь под конец, когда учитель обратился к ней лично. Только вот беда: о чём именно он спрашивал – она прослушала. И Лёша сегодня в школу не пришёл – некому было подсказать.

– Извините, я задумалась. Повторите, пожалуйста, – краснея, попросила она.

– Ага, замечталась, скорее, – прошипела сзади Рогозина.

Юрий Борисович, сорокалетний физик, которого ученики за сварливый, желчный и злобный характер прозвали Ящером, неожиданно для всего класса не стал язвить по своему обыкновению, а вполне благодушно повторил вопрос:

– Напомните нам, Микаэла, формулу, по которой вычисляем среднее значение мощности переменного тока.

Она на мгновение замешкалась, пытаясь вспомнить домашний параграф. Обычно Юрий Борисович тут же начинал раздражаться, считая, что все, как и он, обязаны знать физику наизусть. А сейчас терпеливо ждал. Похоже, даже готов был ей подсказать, но Мика и сама сообразила:

– Сила тока во второй степени умножить на сопротивление.

Юрий Борисович одобрительно кивал каждому её слову, а под конец и вовсе расщедрился на похвалу.

После урока даже подшучивали, что Ящер повёлся на красивые глазки новенькой.

Седьмым уроком была алгебра. Проходили степенные функции. Мика, как прирождённый гуманитарий, математику брала исключительно измором. Вот и сегодня после объяснений учителя у неё осталась уйма вопросов: почему функция ограничена сверху, а не снизу. Откуда берется значение и как получить производную. Поскольку урок был последний, математичка согласилась задержаться и разобраться с ней то, что она недопоняла.

В раздевалку Мика спустилась, когда в школе никого из

класса уже давно не осталось. Ну, так она думала. Взяла плащ, на ходу накинула, пересекла вестибюль. Но перед самыми дверями, ведущими на улицу, она на миг приостановилась, чтобы застегнуть пуговицы и завязать пояс у плаща, и услышала знакомые голоса. Это просто дежавю какое-то.

Там, на школьном крыльце разговаривали двое – Колесников и Соня. Точнее, спорили, даже ссорились. А она, получалось, снова их подслушивала, пусть и ненароком. Прямо ирония какая-то...

– Да я серьёзно не пойму, что такого-то? Чего ты с самого утра бесишься?

– То есть ты реально не понимаешь, да? Мы вроде как встречаемся, нет?

– Ну.

– Что ну?!

– Ну встречаемся.

– Тогда какого хрена...?! – резко повысила голос Соня. – По-твоему, это нормально – то, что ты пошёл к своей бывшей в гости? Без меня причём!

– Тебе тоже хотелось пойти к моей бывшей?

– Несмешно!

– Да хватит тебе заводиться. Вера же там не одна была.

– Да! Не одна! Там же ещё была новенькая!

– А она здесь при чём?

Мика уже собиралась выйти на улицу, даже приготовилась пройти мимо этой парочки так, словно их там нет, но тут

сразу застыла... О ней же говорили – очень хотелось про себя послушать.

– А по-моему, это-то как раз и при чём! И к Тише ты потащился из-за неё. И вообще с того дня, как она пришла в наш класс, ты постоянно на неё пялишься! Все глаза уже смозолил. Что я не вижу, что ли?

– И что с того? На кого хочу – на того смотрю.

– О, даже так? – Соня уже срывалась на крик.

– Слушай, ну хватит мне мозг выносить по всякой ерунде.

– Ерунде? Хочешь сказать, что она тебе не нравится?

Мика застыла в ожидании, даже дыхание затаила. Но он почему-то не отвечал. Почему?

Чёрт, как же нехорошо всё это. Особенно, что она вот так подслушивает, аж самой от себя противно.

Она уже потянулась к ручке, как дверь вдруг резко распахнулась.

– Всё мне ясно, – расстроено и зло выпалила Соня и шагнула через порог.

Мика от неожиданности отпрянула, но они всё равно столкнулись – в тесном тамбуре места для маневров не было.

– А! Куда прё... – прикрикнула Соня, но осеклась, а затем зашипела: – Ты! Ты подслушивала!

Боже, какой конфуз! Мика почувствовала, что стремительно и густо краснеет. И не придумала ничего лучше, как молча пройти мимо неё и мимо Колесникова с каменным выражением лица.

Позже сама себе удивлялась, где только выдержку нашла – продефилировать как будто так и надо, не обращать внимания на Сонины слова ей вслед, на изумлённый взгляд Колесникова, на жгучий стыд, от которого, казалось, стало нечем дышать. Хорошо хоть они не знают, что это не первый раз...

Но всё же, почему он тогда не ответил на вопрос Сони? Почему промолчал?

Соню Рогозину в классе не любили. Кто-то из девчонок говорил, что в ней гонора – хоть продавай. Кто-то считал первостатейной стервой. Кто-то припоминал давние обиды. Вера Тихонова так вообще её на дух не переносила. И когда на следующий день Колесников отсел от Сони, в классе стали злорадно перешёптываться.

Впрочем, Рогозина тоже умела держать лицо, и если б Мика не подслушала их разговор накануне, то решила бы, что оба разбежались с обоюдного согласия, не заморачиваясь. Наигрались и расстались.

Может, у Колесникова так оно и было. Их разрыв ничуть не омрачил его настроения. Перекочевав на заднюю парту соседнего ряда, он только и делал, что пялился на Микку. Каждый раз, стоило обернуться, она ловила на себе его взгляд, тягучий, обволакивающий. Он не смущался, не отводил глаза – это она смущалась от пристального до неприличия внимания и сразу отворачивалась.

Эти его взгляды преследовали, нервировали, вгоняли в краску, мешали сосредоточиться на занятиях. От них частило сердце, а на губы то и дело норовила наползти беспричинная и глупая улыбка. Даже Лёша заметил:

– У тебя сегодня хорошее настроение?

– Да, – улыбнулась она.

– С чего вдруг?

– Просто так.

Правда, когда на перемене Света Скороходова со смехом рассказала девочкам, что видела, как Соня рыдала, в груди закопошилось смутное чувство вины. И как она ни говорила себе, что ни в чём не виновата, как ни убеждала собственную совесть, что ничего такого не делала, чтобы эти двое расстались, это чувство всё равно неприятно свербело внутри.

– Разве это смешно, когда другим плохо? – нахмурилась Мика.

– Ой да ладно тебе, ты просто Рогозину не знаешь. Окажись ты на её месте, она бы в лицо тебе хохотала, – сказала Вера Тихонова. – И вообще, мой тебе совет: поостерегись. От неё что угодно можно ждать.

Мике хотелось возразить: она-то здесь при чём? Она с их ненаглядным Колесниковым за всё время хорошо если парой фраз обменялась. Но не стала. Чего уж кривить душой, если вон и сама вину чувствует?

И Вера оказалась права. В тот же день после уроков Рогозина выловила Мику в уборной. Встала за её спиной, пока та мыла руки. Сложила руки на груди.

– Ну что, довольна?

Мика подняла глаза, посмотрела на неё через зеркало. Рогозина была настроена решительно и воинственно.

И что ей на это сказать? Оправдываться? Сочувствовать?

Послать к чёрту?

Выключив воду, Мика стряхнула руки над раковиной – фена или бумажных полотенец здесь, конечно же, не водилось. Вздохнув, она повернулась к Соне лицом к лицу.

– Чем я должна быть довольна? – спросила устало, так и не придумав, что сказать.

– О, ты, конечно, не знаешь, – хмыкнула Соня. – Это ж не ты вчера подслушивала нас с Женькой под дверью.

Мика понимала – сейчас что ей ни скажи, она всё воспримет в штыки, поэтому не стоит и пытаться. Она обогнула Рогозину и направилась к двери. И в ту же секунду та кинулась следом и со спины вцепилась ей в волосы так, что от внезапной боли из глаз брызнули слёзы. Накрутив пряди на кулак, она резко потянула вниз.

Мика взмахнула руками, тщетно пытаясь удержать равновесие, но ей даже ухватиться было не за что. И в следующую секунду она оказалась на холодном полу. Хотела тут же вскочить, но Рогозина лишь жёстче стянула волосы. Казалось, кожа на голове горела и лопалась.

– Отпусти! Совсем с ума сошла!

– Сначала я тебя немного подукрашу. Ты не знала, что Колесникову только красивые девочки нравятся? Так что сделаем тебя самой красивой.

Глаза её лихорадочно блестели. А затем в руках Сони появились ножницы. Когда она успела их достать, откуда – Мика даже не заметила. И теперь дёрнулась было от неё, но Со-

ня нацелила их острым концом прямо в лицо.

– Сиди тихо, а то вдруг порежу случайно. Сейчас сделаем тебе шикарную стрижку. Причём бесплатно. Не благодари.

Что есть сил, Мика толкнула Рогозину. Та повалилась на пол, но волосы её не выпустила. Потянула за собой. Нестерпимая боль снова опалила кожу головы. Мика протяжно вскрикнула, и в ту же секунду дверь распахнулась.

Громыхнув ведром, в уборную вошла техничка.

– Вы совсем уже, девки, сдурели! – закричала она. – А ну пошли вон отсюда!

– Мы не закончили, – тихо и зло процедила Рогозина, вставая с пола.

Мика тоже поднялась. Попыталась худо-бедно прибрать растрепанную причёску.

– Позорище какое, – продолжала ругаться техничка.

– Ой да заткнись, а? Разоралась тут, – огрызнулась ей Соня и выскочила за дверь.

– Извините, – сгорая от стыда, пробормотала Мика и тоже вышла. Хорошо хоть в таком виде никому не попала на глаза.

Позже Мика думала: да что здесь все какие-то дикие? Почему в их прежнем классе, если девчонки и ссорились, то просто прекращали друг с другом разговаривать, почему же тут чуть что – сразу дерутся, как бойцовские собаки? Ну и главное, что ей теперь делать?

Рассказать кому-нибудь об этом случае или нет? Бабуле,

например, или Лёше? Нет. Это стыдно. Бабуля прибежит в школу, закатит скандал, все узнают, начнут шептаться, что они в уборной подрались – она же тогда вообще от позора умрёт. Нет-нет, это исключено.

С Лёшей проще, но всё равно какой смысл? Что он делает? Не будет же с Рогозиной воевать. А поговорить она и сама способна, не маленькая, чтобы за спинами других прятаться.

Правда, поначалу она хотела просто забыть о том, что случилось, стереть постыдное пятно из памяти. Но тем же вечером неугомонная Рогозина, раздобыв где-то её номер, прислала сообщение: «*Готовься, сучка*». И вдогонку ещё пару сообщений с матерными окорблениями и угрозами.

Нет, нельзя просто забыть, решила Мика, не получится. Соня не даст. Вдруг ещё и впрямь свои угрозы воплотит.

Поговорить надо. Только что ей сказать? Не смей меня обижать? Это глупо и смешно. Пригрозить? Но нечем...

Мика с досадой выругалась шёпотом. Ну вот как так? С этим Колесниковым они даже нормально ни разу не разговаривали, а ей уже досталось. Кожа на голове горела так, что притронуться больно. Вечером вон расчёсывалась и плакала...

На следующий день Мика подошла к Рогозиной прямо в классе, перед первым уроком, и сказала вслух при всех:

– Твою вчерашнюю истерику я спишу на нервный срыв. Буду считать, что ты была расстроена и вышла из себя. И пока ничего предпринимать не буду. Но если такое повторится – значит, у тебя психоз. И значит, с этим надо что-то срочно делать.

– Ты что несёшь? – тихо зашипела на неё Соня. Покосилась на одноклассников, явно испытывая неловкость.

А те стихли, прислушиваясь к их разговору. Лёша даже подошёл поближе, готовый вмешаться если вдруг что. Жаль вот только – Колесникова не было. Из-за него же вся эта ситуация, а он как будто не при делах.

– Тише, Соня, успокойся, – произнесла Мика тоном психотерапевта, пытающегося уговорить буйного пациента. Та лишь недоумённо вытаращилась на неё круглыми глазами. – Возьми себя в руки, если можешь. Ты пойми, немотивированная и неконтролируемая агрессия – это очень опасно и для окружающих, и для тебя. Это надо лечить в обязательном порядке. Если что, я готова тебе помочь. Ты же знаешь, моя бабушка – медик, у неё есть связи...

– Сама ты чокнутая! – прикрикнула Соня. – Чего привязалась? Отвали от меня!

Сначала никто не понимал, что происходит и что Мика Рогозину попросту троллит. Ну а потом забаву подхватили. Жоржик на каждой перемене крутился возле Сони, кривлялся, строил рожи, а когда та его прогоняла, повторял известную фразу: «И тебя вылечат, и меня вылечат». А весь класс

взрывался дружным хохотом.

Такого поворота Мика уже не хотела и не ожидала, но зато Рогозина больше к ней не цеплялась.

А вечером того же дня к ним домой неожиданно появился Колесников. Вызвал её в подъезд поговорить.

– Подожди там, я сейчас, – растерялась Мика.

Как только за ним закрылась дверь, она торопливо кинулась к зеркалу. Придирчиво себя осмотрела – осталась недовольна. Почему вот он пришёл, когда она решила помыть дома полы и теперь выглядела, как крестьянка после трудодня? Она наспех прибрала разметавшиеся кудри. Тронула губы розовой помадой. На старую растянутую футболку накинула приличную кофту.

Бабуля, глядя на её метания, лишь многозначительно усмехнулась. Плевать! Что она понимает?

Привалившись плечом к стене, Колесников стоял на площадке, пролётом ниже, у окна. С тоской и брезгливостью следил за трепыханием мухи, попавшей в раму между двух пыльных стёкол. Но когда к нему спустилась Мика, он тотчас оживился, вынул руки из карманов, оглядел её так, словно ощупал. Даже в жар кинуло. Но потом вдруг сказал то, чего Мика от него не ожидала услышать.

– А ты умеешь кусаться, – криво улыбнулся он, глядя ей в глаза.

– Ты... ты о чём? – растерялась Мика.

– Травлю бедной девочке устроила, – добавил он насмеш-

ливо.

– Ах ты про Соню...

Он кивнул, продолжая улыбаться. Только в его улыбке ей виделось самодовольство. Уж не решил ли он, что они из-за него воюют? И хотя, по сути, так оно и получилось, в Мике моментально закипело раздражение.

– Она тебя подослала? – спросила холодно. – А у самой что, запас матерных слов иссяк? Или руки устали строчить сообщения с угрозами?

Он сразу переменялся в лице.

– Она тебе угрожала? Серьёзно? Я не знал. Сонька просто прибежала сегодня вся в слезах и сказала, что ты устроила ей в классе настоящую травлю.

– Я ей нервы посоветовала лечить. Если это настоящая травля, то тогда – да, устроила, – всё ещё негодовала Мика.

Он усмехнулся.

– Так-то совет дельный.

Он больше не ёрничал и не насмехался, и даже не выглядел самодовольным. И улыбался вполне искренне.

Раздражение сразу улеглось. Он обронил ещё несколько ничего не значащих фраз, она ему что-то ответила и поняла вдруг совершенно отчётливо, что он просто не хочет уходить, но не может найти нормальную причину, чтобы задержаться. И Сониная жалоба – всего лишь повод. И сам он, как бы самоуверенно себя ни вёл, не может сказать, что действительно думает. Только смотрит, смотрит...

А какой удивительный у него взгляд! Столько всего он выражал! Гораздо больше, чем пустые слова. А ещё его взгляд как будто одновременно проникал в самую душу так, что внутри делалось горячо. И в то же время обволакивал и затягивал в бездну, подавляя волю.

Вдруг подумалось: если Женя её сейчас поцелует, она его даже не оттолкнёт. А, может, ей хочется, чтобы он её поцеловал? Было ощущение, такое яркое и острое, что этим своим взглядом он это уже делает. Вон и дыхание его изменилось... Мика замерла, но тут Женя сглотнул, отвёл глаза, выдохнул. Неужели смутился? Да быть такого не может. И тем не менее...

Потом он снова посмотрел на неё и чуть севшим голосом произнёс:

– Ну ладно, пойду я.

Мика кивнула и к собственному удивлению ощутила вдруг досаду. Ей тоже не хотелось, чтобы он уходил? Да ну, ерунда какая, мотнула она головой, прогоняя дурацкие мысли. Но когда он, сделав шаг в сторону лестницы, вдруг развернулся и снова к ней подошёл, в груди взмыла безотчётная радость.

– А приходи завтра к четырём в «Старт». У нас соревнования по баскету будут. Это, конечно, не чемпионат мира, но будет задорно. Я нашу победу тебе посвящу.

Мика коротко рассмеялась.

– А если вы проиграете?

Он пожал плечами, улыбнулся.

– Ну, значит, посвящу тебе наше поражение.

На другой день Мика проснулась раньше обычного, за полтора часа до будильника. Долго лежала в темноте, прислушиваясь к трепету внутри. Сердце, казалось, не просто отстукивало привычный ритм, а как будто звенело, рассылая по всему телу волны...

Вчера вечером так же было. Она даже думала – не уснёт, проворочается до самого утра, но нет, уснула. Зато теперь вот проснулась ни свет ни заря, и сна ни в одном глазу. И по закону подлости сморит её, конечно, в самый неподходящий момент – в школе, например, на алгебре. А математичка сегодня обещала контрольную.

Однако мысль о школе разволновала её ещё больше. Мика поймала себя на том, что ей хочется скорее в школу. Хочется вновь увидеть Колесникова. И на соревнования в неизвестный ей «Старт» тоже хочется.

Только вот как это будет выглядеть со стороны? Он её позвал, можно сказать, случайно, походя. И она сразу же согласилась, не задумываясь. Хотя на баскетбол ей плевать с высокой колокольни, она даже не особо разбирается в правилах игры. И он это наверняка знает.

Впрочем, и соревнования эти – всего лишь предлог. С тем же успехом он мог позвать её куда угодно. Но соревнования

– это звучит прилично. Благовидно. А заодно и пробный шар запустил.

Если прийти, терзалась Мика, он сразу поймёт, что нравится ей, а самомнение у него и без того раздутое донельзя. А вот если она не придёт, то он, может быть, начнёт сомневаться. Но так хочется пойти...

На цыпочках, чтобы не разбудить бабуку, Мика пробралась на кухню, прихватив с собой косметичку.

Прежде в школу она почти не красилась. Могла лишь едва-едва тронуть губы розовым. Но сегодня она ещё и аккуратно подвела глаза, мазнула тушью ресницы, оттенила скулы. Получилось неброско, еле заметно, но черты как будто стали чётче, краски – ярче, взгляд – выразительнее. И волосы, густые чёрные кудри, она укладывала с особым тщанием.

Бабушка всё-таки проснулась. Выползла на кухню, широко зевая и стягивая рукой полы халата. Стрельнула взглядом и не удержалась – фыркнула.

– Лучше бы позавтракала нормально, чем марафет наводить. Было б ещё перед кем.

Мика неожиданно смутилась, как будто её застучали за чем-то неприличным. Торопливо собралась и сбежала в школу, не дожидаясь, когда за ней зайдёт Лёша.

Он догнал её по пути, уже у ворот.

– Куда так торопишься? – спросил он, пристроившись рядом.

Мика только улыбнулась в ответ, пряча неловкость. Лёша

исправно заходил за ней каждое утро, а сегодня, сбежав от чересчур пронизательного бабкиного взгляда, она про него даже не вспомнила...

Теперь, когда погода испортилась и похолодало, парни из их класса больше не торчали по утрам на крыльце, как бывало в сентябре. Перенесли место «утренней сходимости» в вестибюль, облюбовав подоконник прямо напротив входа. И стояло им с Лёшей войти, как те тут же оживились, замахали, заулюлюкали.

Мика поймала себя на том, что сразу, цепко осмотрела обращённые к ним лица одноклассников. Увидела, что Колесникова нет. Сердце, уже было набиравшее обороты, сразу стихло, успокоилось.

Стоять тут, с ними было неинтересно. Эти их шутки дурацкие, одинаковые скучные разговоры, неумелое позёрство... Она бы сразу ушла, но Жоржик её задержал. Спросил очередную глупость. Лёша на него привычно цыкнул, чтоб не донимал. Она благодарно улыбнулась Лёше, с лёгкой укоризной – Жоржику и развернулась.

– Вы как хотите, а я пошла в класс.

И практически в ту же секунду в вестибюль вошёл Колесников.

Он не носил шапку, хотя давно пора бы. Под чёрную тонкую куртку надевал толстовку с капюшоном. Капюшон и натягивал вместо шапки на уши. Но, судя по всему, это мало

помогало. Голову он втянул в плечи, руки спрятал в карманах, весь съёжился. Казалось, у него зуб на зуб не попадает.

Затем он устремил смеющийся взгляд на одноклассников, мимоходом скользнул по ней. Хотел им что-то сказать, но будто забыл слова, снова посмотрел на неё. Задержался, залип, чуть приподняв брови, даже рот приоткрыл, будто впервые увидел. Пробормотал с явным восхищением в голосе: привет.

Мика, пряча ликование, вполне спокойно ответила и прошла мимо. А про себя подумала: неест, ради такой реакции можно было и не позавтракать.

Из школы они возвращались с Лёшей Ивлевым вдвоём. Остальные парни, по обыкновению, отправились после уроков в спортзал. Девчонки тоже расходиться по домам не торопились – зависали в бургерной неподалёку от школы. Микку звали с собой, но та отказалась, сославшись на домашние дела.

Но на самом деле сегодня ей хотелось, чтобы Лёша её проводил. Точнее, хотелось поговорить с ним наедине. Хотя какой это разговор? Это, скорее, разыгранный как по нотам спектакль.

– Лёш, какие планы на вечер? – спросила Мика с деланной беспечностью, и тут же устыдилась своего притворства.

Она ведь прекрасно знала, что он – капитан школьной баскетбольной команды. Знала, что сейчас отконвоирует её до дома и помчится назад, к своим пацанам. У них там то ли тренировка перед матчем, то ли просто сходка для поддержания командного боевого духа. И прямо оттуда они все вместе выдвинутся напрямиком в «Старт» – спортивный комплекс в двух остановках отсюда, если верить гугл-карте.

Вчера ей, снедаемой сомнениями, пришла мысль, что было бы удобно, если бы на эти соревнования пригласил её Лёша. Никто ничего такого не подумал бы тогда, все ведь зна-

ют, что они дружат. Ещё лучше – вообще прийти с ним вместе.

Лёша растерялся и неожиданно покраснел, густо, ярко, как умеют краснеть только натуральные блондины с бледной кожей.

– Э-э... планы... на вечер... А ты что-то хотела? Я... у меня... – начал вдруг заикаться Лёша. – У нас же сегодня соревнования. Не знаю... где-то до семи, наверное. А потом... потом – всё, буду свободен.

– У вас сегодня соревнования? – переспросила Мика, чувствуя себя преме́рзко от этой фальши.

– Ну да, по баскетболу. В «Старте», в четыре. Я тебе на той неделе говорил.

– Да? – смутилась Мика. – Прости, не помню. Я иногда бываю рассеянной.

– Да ничего, я понимаю, – улыбнулся Лёша. – Ты же девушка, тебе, наверное, всё это просто неинтересно.

– Ну почему? Наоборот. Мне было бы интересно посмотреть... поболеть за вас... – пробормотала Мика, морщась от собственного лицемерия. Стало так стыдно, что она и сама покраснела под стать Лёше.

Зачем она притворяется? Почему не могла просто пойти на эти дурацкие соревнования без вот этого представления, раз уж так хочется?

И сама же себе в мыслях ответила: «Да потому что вовсе не в соревнованиях дело. Просто боишься, что все кругом

подумают, в том числе и Колесников, что ты на него запала. Боишься потерять лицо, прослыть влюблённой дуручкой, которая мчится по первому зову. Боишься отношений, последствий, обмана, насмешек, всего...».

Однако, признав это в уме, Мика ещё больше на себя рассердилась. И даже решила, что всё, хватит этих манипуляций с Лёшей, как он вдруг воодушевился:

– Да? Правда? Так давай! Приходи! Серьёзно, Мика... Это будет здорово. Посмотришь, как мы там всех порвём.

– Не знаю, может быть... – залепетала она.

– Ну давай, а? Пожалуйста! Я буду очень рад! Всё, короче, я за тобой зайду, – пообещал Лёша перед тем, как рвануть назад. – Сейчас нашим скажу, чтобы без меня потом выезжали...

Он сразу повеселел, а ей наоборот сделалось противно и стыдно, будто ребёнка обманула.

«Угу, самое время посыпать голову пеплом, – со злостью язвила она сама себе. – Всё же получилось так, как ты хотела. Теперь можно для успокоения совести и посокрушаться немного».

Лёша, как и обещал, зашёл за ней в начале четвёртого.

– Мне неловко, ты же должен был поехать со своей командой, – переживала Мика.

– Ничего, не маленькие, сами доберутся, – отмахнулся он

и широко улыбнулся.

От него, обычно серьёзного и спокойного, волнами исходила какая-то шальная энергия, будто он выпил. Мика даже незаметно принюхалась. Но нет – просто, видимо, настроение было очень хорошее. Да ещё и азарт наверняка перед матчем играл в крови.

Всю дорогу Лёша с энтузиазмом рассказывал Мике про баскетбол, про предыдущие соревнования, про какие-то казусы. Мика слушала его вполуха, постоянно отвлекаясь на собственные мысли. Но стоило ему заговорить о Колесникове, как она тут же встрепенулась. И хотя ничего такого увлекательного он не рассказывал, она чутко ловила каждое слово.

– Женька у нас хорошо играет, с умом. Он не станет, как Антоха, тупо носиться по площадке за мячом, у него своя тактика. Любит он всякие красивые штуки вытворять. Так чтобы все ахнули. Только он это делает не для команды, не для победы, а чисто на публику. Ему по большому счёту вообще плевать, выиграем мы или нет. Ему лишь бы себя проявить, показать, как классно он умеет. Серьёзно. Вообще не командный он человек. Вот я уверен, что если спросить, что ему лучше: чтобы мы продули, но он как-нибудь круто отличился, или чтоб мы победили, но он играл... ну, не плохо, а даже просто как все. Он даже думать не станет – выберет первое.

– Единоличник, – улыбнулась Мика.

– Ну! И позёр. Ему прямо надо, чтоб все им восхищались, чтоб обожали его, – с усмешкой проговорил Лёша. – Кошачья натура...

– Забавное сравнение.

– А что? В психологии даже что-то такое есть, типа теста. на какое животное тыходишь. У нас по приколу проводила такой биологичка, только давно, года три или четыре назад.

– Правда? И кто же ты? – смеясь, спросила Мика.

– Не помню... ну, собака, кажется, – почему-то смутившись, буркнул Лёша и увереннее добавил: – А Женька – сто пудов кошара, даже без тестов понятно.

Хорошо, что она пришла с Лёшей – в огромном вестибюле спорткомплекса царила неразбериха. Одни суетились, куда-то спешили, другие наоборот – сбившись в группки, топтались на месте. Одной в такой сутолоке ей пришлось бы порядком поплутать.

Лёша дождался, когда она сдаст пальто в гардероб, затем проводил её в зал, где вскоре должна была начаться игра, и затем умчался к своим.

В зале тоже оказалось полно народу. Но свободных мест пока ещё хватало. Мика села в первом ряду, с краю от прохода. Огляделась – нашла знакомые лица. Правда, из других классов, но всё равно было почему-то приятно, что она тут, в совершенно "чужом" месте, не одна. А перед самым началом и несколько одноклассниц заявилось.

Весёлые, раскрасневшиеся, шумные они долго не могли усесться, хохотали, знакомились с парнями. Мика про себя радовалась, что они её не заметили.

Она с нетерпением поглядывала на часы – не потому, что так хотелось зрелища. Наоборот, оказавшись тут, в переполненном гулком зале на жестком сиденье, она вдруг поняла, что ей будет скучно.

Лёша был прав – спорт, особенно такой – мужской, совсем

её не интересовал. Ещё фигурное катание она бы посмотрела, а баскетбол... И от одной мысли, что придётся сидеть два часа на одном месте, наблюдая, как гоняют по площадке мяч, сводило зубы. Зачем пришла? Ещё так рвалась, глупая...

Но вот наконец гуськом потянулись игроки обеих команд. Зал зашёлся приветственным гулом и аплодисментами. Обе команды выстроились в две шеренги.

Мика тотчас узнала Колесникова. Лёшу она, конечно, тоже узнала, но уже потом, как и Костю, и Антона. Остальные игроки их команды были из других классов, но внешне тоже ей знакомы. Но Колесников моментально притягивал к себе внимание. И дело даже не в том, что он один из всей команды надел чёрную майку, тогда как все остальные были в зелёных. А в чём – не понять. Просто взгляд как будто сам по себе тянулся в его сторону, останавливался на нём, прикипал. Мика почти силой заставила себя не смотреть на него, а смотреть на Лёшу. Тем более что тот тоже нашёл её в толпе и даже улыбнулся.

А потом началась игра. Несколько первых минут напоминали ей какую-то бестолковую возню вокруг мяча. Здоровенные лбы табуном носились по площадке. И это, думала она, всё? Даже Колесников не спасал положения.

Но довольно быстро в этих хаотичных метаниях Мика уловила смысл, а затем и сама не заметила, как вовлеклась. В острые моменты вскакивала вместе со всеми, негодовала, радовалась, закусывала нижнюю губу в волнении.

Обе команды шли почти вровень, но последние минуты третьей четверти были самыми напряжёнными. Противники – какой-то там лицей, Мика прослушала – словно вдруг остервенели. Стали играть грубо, агрессивно, с напором, потихоньку увеличивая разрыв в счёте. На электронном табло красным горели цифры: 32:36.

В какой-то момент Лёше всё же удалось вырвать мяч. Пасанул Колесникову, и тот не растерялся – с трёхочковой линии метко отправил мяч в кольцо, почти сравняв счёт. Напряжение – и в зале, среди болельщиков, и на площадке – вмиг взлетело до красной отметки. Мике казалось, что под диафрагмой у неё сжалась тугая пружина. Когда игроки проносились мимо, и её обдувало, эта пружина внутри опасно вибрировала.

В унисон с незнакомым болельщиком по соседству она скандировала: «Давай! Давай!». Но ожесточенная борьба какое-то время длилась вхолостую, пока центральной противника грубо не подрезал Лёшу, буквально сбив его с ног.

Но тут же, словно ниоткуда, рядом с ним возник Колесников и изящно увёл мяч из-под его руки. Лёша вскочил, отбежал и закричал ему: «Пасуй мне! Я открыт». Но тот и не подумал – будто танцуя, ушёл от защитника и в итоге выдал безупречный флотер* (*бросок почти вертикально вверх).

Зал взревел единым, утробным гулом, в котором слились досада тех, кто болел за лицей, и ликование тех, кто болел за их школу. Антон и Костя одобряюще хлопнули его по плечу.

Вот только Лёша отчего-то разозлился. Мика видела, что он пытался высказать Колесникову, даже, похоже, ругался, но тому как с гуся вода — он купался в восторгах, и никакие упрёки не могли подпортить это удовольствие.

«И впрямь нарцисс», — про себя усмехнулась Мика, но сама тем не менее не могла отвести от него взгляд. Влажные волосы тёмными колечками налипли на лоб, глаза горели лихорадочным азартом, но на губах блуждала привычная ленивая полуулыбка.

После двухминутного перерыва судья дунул в свисток, известив о начале последней, решающей четверти. Игроки вновь ринулись в атаку. Колесников бросился на подбор* (* т.е. забрать отскочивший после неудачного броска мяч), но на этот раз красиво не получилось.

Мика даже не поняла, что произошло. Вот Женя прыгнул в попытке отбить мяч у верзилы, а вот уже оба с грохотом повалились на пол. Ну а мяч, словно пушечное ядро, полетел напрямик в неё.

Всё случилось так быстро, что она не успела ни закрыться, ни отклониться. Только растерянно моргнула — и в лоб ударило тяжёлым и шершавым. Голова дёрнулась назад и тут же наполнилась вязким гулом. Этот гул смешался с воплями болельщиков и усилился в разы так, что стал нестерпимым. Ещё и те, кто сидел вокруг, начали её тормошить, что-то обеспокоенно спрашивать. Хотелось отмахнуться от них, чтоб отстали, чтобы её никто не трогал.

Она поднялась, чуть покачнулась, но устояла и вышла из зала. Какой-то мужчина, сидевший сразу за ней, увязался следом, предлагая помощь.

– Всё со мной нормально, – глухо ответила она. – Ничего не надо, спасибо. Хотя... может, подскажете, где здесь уборная?

Неравнодушный мужчина вызвался её даже проводить туда.

– Может, ещё что-то нужно? Не стесняйся...

Словно невзначай он приобнял Мику за талию. Та сразу напряглась: что это? Обычное участие или...?

На всякий случай она аккуратно вывернулась и ещё раз сухо поблагодарила:

– Спасибо, ничего не надо.

Закрывшись в уборной, она перевела дух. Надо же – лёгкое прикосновение, может быть, даже случайное, незнакомо-го человека, а всю передёрнуло. Так противно стало, аж до судорог в животе, хотя гаптофобией она не страдала. Вроде бы.

Просто этот человек... было в нём что-то липкое, скользкое и в то же время настораживающее. Этот его мягкий шелестящий тон, навязчивая услужливость, странный мутный взгляд... Брр. Мика снова передёрнулась. Зато голова почти перестала болеть. Точнее, она про неё забыла.

Ополоснув лицо и руки, она посмотрела в зеркало. На лбу краснело пятно от удара. Мика поправила волосы, прикрыв

вьющейся прядью лоб. В сумочке нашла номерок и вышла из уборной.

Сколько длится матч, она не знала, но боялась, что он может с минуты на минуту закончиться, и тогда в вестибюль повалит народ, в том числе и девчонки из класса, а встретиться с ними Мике совершенно не хотелось. Ведь наверняка они видели, как ей прилетело. Да все видели. А эти ещё и посмеялись наверняка.

Не со зла, просто они такие. Вот недавно в школьной столовой Света Скороходова поскользнулась на пролитой кем-то овсянке и упала – так над ней все потешались, шутили, высмеивали. Один Колесников не смеялся, ещё и пожалел, встать помог. Но он всегда с девочками милый. А остальные весь день над ней, бедной, глумились, даже не понимая, что это жестоко.

Мике тогда и со стороны наблюдать ту сцену было неприятно, а уж самой становиться объектом подобных шуточек... нет, нет, не дай бог. Стать посмешищем – этого она боялась с самого детства и, хотя старалась не показывать виду, всегда относилась очень болезненно к тому, что о ней говорят и думают другие.

Она торопливо пересекла вестибюль, взяла в гардеробе пальто, накинула и, застёгивая пуговицы на ходу, выскочила на улицу. Пару секунд постояла на крыльце, пытаясь сообщить, откуда они с Лёшей пришли почти два часа назад. В густой синеве ранних октябрьских сумерек всё казалось ка-

ким-то другим.

Шли они мимо парковки, это она помнила. Им ещё приходилось лавировать среди плотно стоящих машин.

Как раз в этот момент чуть поодаль одна из машин, пи-ликнув, мигнула фарами.

Точно, спохватилась Мика, вон она, эта парковка. Устремившись на свет фар, она не обратила внимания, как от стены здания отделилась чья-то тень и последовала за ней...

Мужчина нагнал её уже на парковке. Поймал за локоть и, тяжело дыша, сказал:

– О-о, снова ты. А я гляжу, ты или не ты. Ну как голова?

Мика испуганно шарахнулась. Мужчина то ли решил, что она падает, и придержал её, то ли просто не хотел выпустить, но локоть сжал ещё крепче. Черты его были скрыты полумраком, но Мика сразу его узнала – это он провожал её до уборной и настойчиво предлагал помощь. Но откуда он здесь? Следил? Мике казалось, что от одного его взгляда под кожу пробирается мертвенный холод.

Она видела, что мужчина улыбался. И отчего-то эта улыбка пугала её ещё больше. Леденящий страх проник до самых костей и сковал её точно паралич.

– Тебе куда? – прошелестел он. – Я подвезти могу. Идём?

Надо вырваться, надо закричать, позвать на помощь, думала она, но язык словно одеревенел и тело не слушалось.

– Идём же? Подвезу, куда скажешь. Или может...

Он потянул её в сторону. К счастью, оцепенение было кратковременным. Рывком она выдернула руку и отскочила от него:

– Не трогайте меня! Что вам от меня нужно?

– Да успокойся ты, – мужчина нервно хохотнул. – Ничего

не нужно, ничего...

Он медленно шёл к ней. Она отступала. И людей, как назло, поблизости нет. Никого, ни единой души. Откуда-то издалека доносились звуки города, но рядом она слышала лишь его тяжёлое дрожащее дыхание.

"Господи, пожалуйста, только не это!" – мысленно взывала она с отчаянием.

– Не подходите! Я сейчас закричу.

– Я же ничего тебе плохого не сделал. Помочь хотел, – вкрадчиво звучал его голос. – Не бойся, моя хорошая.

– Ничего мне не надо! Уходите!

– Ну что ты? – Он неумолимо приближался, оттесняя её в дальний край парковки, куда даже свет фонаря не доползал.

– На помощь! – что есть сил закричала она, но кто бы её здесь услышал...

Что делать? Что? Мысли лихорадочно метались. Если она побежит, он её догонит. И куда бежать – тоже вопрос? Она пнула ближайшую машину, надеясь, что сработает сигнализация, но чуда не случилось.

– Тихо-тихо, девочка... Я ж ничего, я только помочь хочу.

– Эй, мужик, отвали от неё, – раздалось вдруг за его спиной. – А то тебе самому сейчас помощь понадобится.

Колесников! Как он здесь оказался? Впрочем, неважно. Главное, что он так вовремя!

Он подбежал к ним и буквально наскочил на мужчину. Толкнул раз, другой. Тот только отступал.

– Ты кто такой? Тебе чего надо? – наступал Колесников.

– Мика, он тебя обидел?

– Мы просто разговаривали, – пятился от него мужчина.

– Я просто предложил девушке... подвезти, ничего такого...

– Вали давай... просто разговаривал он...

Мужчина вскинул ладони в примирительном жесте:

– Всё, всё, я уйду. Я ничего плохого... ничего...

Мужчина, проворно огибая машины, быстро удалился.

– Ты как? Нормально? – Колесников подошёл к ней, взял за плечи, наклонившись, встревоженно заглянул в глаза. – Он тебе ничего не сделал?

Она покачала головой.

– Напугал только.

Только тут Мика увидела, что Колесников совсем раздетый – в шортах и майке. А на дворе всё-таки конец октября...

– Пойдём отсюда, – схватил он её за руку и уверенно потянул назад, к зданию спортивного комплекса.

В вестибюле он выпустил её ладонь. Выдохнул шумно и коротко передёрнулся, как от озноба, энергично потёр предплечья.

– Замёрз? – спросила Мика.

– Ничуть, – явно соврал он.

– Холодно же на улице.

– Я же горячий, – сказал он это хоть и с улыбкой, но так, что Мику и саму от смущения кинуло в жар.

Да он ещё и смотрел на неё из-под полуопущенных рес-

ниц так, словно разгадал её смятение. Вон и улыбочка самодовольная промелькнула. Буквально на миг, но Мика успела заметить, однако сейчас, в приступе благодарности, она простила бы ему многое, а уж безобидное самодовольство – и подавно.

К тому же в следующую секунду он уже посмотрел на неё серьёзно, даже виновато и без тени улыбки произнёс:

– Слушай, Мика, прости меня, пожалуйста. Я не хотел...
– Он вдруг поднял руку и провёл пальцами по её лбу.

От его прикосновения затылок и плечи осыпало мурашками, точно под кожей пропустили лёгкий разряд тока. И во рту моментально пересохло.

– Ничего, игра же, всяко бывает, – облизнув губы, промолвила Мика. – Да мне и не больно уже.

И это правда – боль, гул, головокружение, всё уже прошло.

А он, уловив её движение, уставился теперь на губы, ещё сильнее вгоняя Мику в краску.

– Всё равно прости, – пробормотал он и лишь спустя долгое мгновение поднял на неё глаза. Казалось, будто он стряхнул с себя морок. – Знаешь что, я тебя провожу, а то мало ли кто ещё к тебе пристанет по дороге. Ты подожди тут, я сейчас быстро переоденусь. Только не уходи!

Он умчался, а Мика осталась в холле. Ждать пришлось недолго – и пяти минут не прошло, как он вернулся, на ходу натягивая куртку.

– Пошли быстрее, сейчас сюда хлынет толпа, – сообщил он, взял её за руку и потянул на выход.

– А чем тебе толпа помешала бы? – еле за ним поспевая, со смехом спросила Мика. Хотя сама тоже хотела избежать ненужных встреч.

– А зачем нам свидетели? – повернулся он к ней и посмотрел так, что лицу сделалось горячо.

Преодолев смущение, Мика всё же поинтересовалась:

– Свидетели чего?

– Вдруг я захочу тебя поцеловать, – ответил он.

Мика скосила на него ошарашенный взгляд, но пока придумывала ответ, он уже с усмешкой добавил:

– Да и от поклонниц отбоя не будет.

Мика деликатно улыбнулась. Всё-таки какой же он самолюблённый и самоуверенный нахал! И почему в других эти качества её всегда неизменно бесили, а в нём – лишь улыбку вызывают?

Но, чёрт возьми, он её сегодня спас! Нет, может, и без его вмешательства ничего страшного и не случилось бы. Тот мужик не выглядел агрессивным, но он следил за ней, приставал... Неспроста же. И напугал он её здорово! Всё-таки ей невероятно повезло, что Колесников там оказался. Надо его поблагодарить.

Тут Мика осознала, что ей почему-то трудно назвать его по имени. Прямо язык не поворачивается, хотя, если подумать, что тут такого? Но вот поди ж ты... Она ведь ещё ни

разу напрямую к нему не обращалась.

– Женя, – наконец пересилила себя она, – спасибо тебе, что отогнал того мужика. Это было страшно...

– А кто он?

– Без понятия. Пристал какой-то...

– Вот сволочь.

– Да. Спасибо тебе.

Он лишь пожал плечами, мол, что такого.

Некоторое время они шли молча. Мика ждала, что он что-нибудь скажет, но Колесников явно болтуном не был. А вот её это молчание тяготило – неловкость и напряжение чувствовались так ещё острее. И рука его, державшая её ладонь, казалась очень горячей.

Мика всё же не выдержала и спросила:

– А как вообще ты там оказался? На стоянке?

– Тебя искал... Я же чуть не умер, когда увидел, что в тебя попал. А потом ты так выбежала из зала... Я вообще перепугался, думал, что тебе плохо стало. Ну и извиниться хотел. Но пока там замену произвели, то да сё, я вышел – ты уже куда-то убежала. Я походил, поспрашивал, потом спускаюсь в холл, гляжу – ты как раз уходишь. Я тебя даже позвал, но ты не слышала. Я далеко был. Ну и побежал за тобой на улицу...

– Как хорошо, что ты пошёл меня искать, – выдохнула она, затем заинтересовалась: – А матч-то закончился?

– Ну, теперь уже да.

– И кто победил?

– Без понятия, – беспечно ответил он, а Мике вспомнились слова Лёши о том, что не командный он человек, что исход матча его мало волнует. Наверное, так оно и есть. Подумав, он добавил: – После того, как я в тебя попал, мне уже не до матча было.

Мика почувствовала, как его пальцы легонько погладили её руку, словно очертили полукруг. Почти неуловимая, несмелая ласка. Но она сделала вид, что не заметила, только зарделась сразу, но в сумерках этого всё равно не видно...

Они не поехали на маршрутке. Не сговариваясь, весь путь проделали пешком. Сначала Мика ужасно смущалась от его близости, да он ещё и держал её за руку...

Но когда они перебежали дорогу в неполюженном месте под возмущённый визг клаксона и от этого мелкого нарушения оба вдруг расхохотались, неловкость как-то сама собой отступила. Ну а когда он остановился у киоска, чтобы купить банку колы, а потом так и не взял её снова за руку, Мика неожиданно для себя ощутила что-то вроде досады.

Вообще, когда Колесников что-нибудь говорил, а он в основном бросал шутливые фразы о том о сём, ей было смешно и легко, но когда он молчал – сразу возникало напряжение. И он тоже наверняка это чувствовал. Однако чем ближе они подходили к её дому, тем дольше становились паузы и тем острее ощущалась неловкость.

Что удивительно, он тоже держался далеко не так уверенно, как обычно. Даже когда изредка шутил, по тону, по голосу чувствовалось, будто он преодолагает какое-то внутреннее стеснение. Это так на него не похоже!

Сама же Мика и вовсе заговорить больше не решалась, да и не знала, о чём, ничего умного в голову не приходило.

В этот раз Колесников не стал спрашивать, а зашёл в подъ-

езд вместе с ней, проводил до самой квартиры. И не ушёл сразу, остановился, привалившись плечом к стене возле её двери.

Вот теперь точно надо что-то сказать, подумала Мика, тебя пуговицу у пальто. Только вот что? И зачем он так смотрит? Будто сам чего-то ждёт от неё.

– Спасибо, что проводил, – вымолвила Мика первое, что пришло на ум.

– Ну как тут не проводить, – хмыкнул он, – когда к тебе так и норовят пристать всякие.

– Да... сейчас это смешно, а тогда было очень жутко. Я страшно испугалась...

– Понимаю. Я и сам за тебя перепугался, – почти шептал он, наклонившись к ней ближе, отчего у Мики затылок взялся мурашками. Опустил взгляд на губы, но... поцеловать так и не решился почему-то... Затем и вовсе отстранился от неё, припал спиной к стене и затылком.

Вот бы знать, о чём он сейчас думает!

Но он почти сразу сбросил с себя эту серьёзную задумчивость, скосил на неё глаза и уже шутливо, с улыбкой сказал:

– Непросто живётся нам, красивым людям, да?

Мика усмехнулась – ох уж эти его шуточки!

– Думаю, тебе-то грех жаловаться. Непохоже, чтобы ты сильно мучился от женского внимания. По-моему, тебе это только в радость.

Он коротко засмеялся, но тут же возразил:

– Откуда ты знаешь, что мне в радость?

– Ну... просто вижу.

– Иногда всё не так, как кажется.

– Да ладно. Хочешь сказать, ты недоволен, что нравишься девочкам?

Он пожал плечами, мол, всё равно, но при этом улыбался. Ну конечно, он кривил душой! Все же парни этого добиваются.

– Всяко бывает. Вот помню, ходили мы в позапрошлом году на день рождения Оксаны Громовой. Выпили мы там и... – Он замолк, видимо, вспомнил, но рассказывать не захотел, только с усмешкой качнул головой. – Короче, я там еле ноги унёс.

Тут замок щёлкнул, и в подъезд выглянула бабушка. Стрельнув сердито взглядом в Колесникова, она многозначительно посмотрела на Мику и кивком указала на квартиру, мол, давай уже домой.

– Сейчас, ба, иду.

Бабушка, поджав губы, ушла, но Мика понимала – недалеко и ненадолго.

– Ну... пока, – с чуть грустной улыбкой сказала она. Не хотелось уходить...

Колесников отлепился от стены, встал напротив и опять сделался такой серьёзный, что Мика занервничала. Казалось, вот сейчас точно что-то будет. Ведь он так смотрит, словно хочет сказать что-то очень важное. Она даже дыхание

затаила, боясь спугнуть это важное.

Он обвёл взглядом её лицо, приоткрыл губы, но в этот самый миг на первом этаже кто-то тоже вышел на площадку, и почти одновременно с этим хлопнула подъездная дверь.

– Здрасьте, – донёсся снизу голос Лёши Ивлева.

– Здравствуй, здравствуй, Алёшенька, – кряхтя, поздоровалась соседка. – Как жизнь молодая?

– Да так, потихоньку, – ответил ей Лёша.

– Это у нас, у стариков, потихоньку, а у вас, у молодёжи, должна бурлить, – соседка засмеялась и тут же закашлялась.

Колесников отвлёкся на шум, посмотрел на лестницу. В его взгляде на мгновение промелькнула досада, но почти сразу глаза полыхнули каким-то шальным азартом. Он наклонился к ней совсем близко так, что она почувствовала кожей его тёплое дыхание.

– Слушай, а давай с тобой куда-нибудь ходим? Ну, там в кино, в кафе или просто погуляем? Обещаю, вести себя прилично.

Мика тихо засмеялась.

– Значит, договорились?

– А когда?

– Завтра у нас суббота? Завтра сразу после школы я отцу в гараже помогаю, обещал уже пойти с ним... Провозимся, скорее всего, допоздна. В воскресенье давай? В парке, который рядом со школой, возле памятника Ленину. В пять нормально?

Он снова оглянулся на лестницу, по которой должен был вот-вот подняться Лёша.

– В общем, договорились: в воскресенье, в пять, у памятника, – торопливо зашептал он, пока ещё не показался Ивлев.

Затем отступил на шаг и уже неотрывно следил за Лёшей. Тот тоже, увидев их, не сводил с него тяжёлого взгляда. Мика чувствовала, что между ними двумя что-то происходит, какая-то неявная враждебность. Поссорились, может? Из-за матча? Ведь ещё утром в школе они вполне себе ладили.

Лёша остановился на площадке рядом с ними. Мрачный, угрюмый. Брови сведены так, что на переносице пролегла поперечная складка. Всё-таки они, наверное, проиграли, подумала Мика.

– А ты чего здесь? – спросил он его хмуро.

Колесников тоже смотрел на Лёшу и молчал, приподняв уголок рта. И явно не потому, что его впечатлил суровый вид Ивлева. Его молчание казалось каким-то дразнящим, провокационным или даже насмешливым. Он словно призывал его: ну, давай, покажи, как страшно ты умеешь гневаться, а я понаблюдаю.

Мика чувствовала, как сгущается обстановка, и это ей не нравилось. Это даже страшило.

– Женя вот меня проводил после матча, – сказала она, пытаясь перетянуть на себя внимание Лёши.

– После матча, – фыркнул Лёша. – Так и знал, что ты

какую-нибудь фигню выкинешь. Лучше б вообще не играл, чем так... Для этого ты с поля ушёл?

Не отрывая от него сурового взгляда, Лёша кивнул на Микку.

– По-нормальному ты не можешь, да?

– По-нормальному – это как? – насмешливо спросил Колесников. – Так, как велел ты?

– Я – капитан, – раздельно произнёс Лёша и угрожающе двинулся к Колесникову. – И если я сказал остаться, ты должен был остаться, а не уходить...

– Значит, не мог, – пожал плечами Колесников, – замена на то и есть. В чём проблема?

– В том, что тебе и на слова капитана, и на свою команду...

Тут из квартиры снова выглянула бабушка. Сердито осмотрела всех троих и веско изрекла:

– Так, кавалеры, дуэль отложим на потом, а сейчас все по домам.

– Ба, да никто тут не ссорится. Мы просто разговариваем.

– По домам, я сказала. – Для пущей убедительности бабушка встала в позу, скрестив руки на широкой груди.

Первым сдался Колесников.

– До свидания, – улыбнулся он Мике и бабушке. Повернулся к Лёше, показал ему жест виктории. – Адъёс, капитан.

И ушёл. Лёша ему ничего не ответил, только мрачно посмотрел вслед.

– Извините, Анна Михална, – буркнул Лёша и тоже стал

подниматься к себе.

– Лёш, ну вы хоть как сыграли? – крикнула ему вдогонку Мика.

– Сорок два – тридцать восемь в нашу пользу, – ответил он, не оглядываясь.

Мика слегка озадачилась: чего же тогда он такой мрачный?

– Поздравляю!

– Спасибо, – донеслось сверху.

Мика пожала плечами и вошла вслед за бабушкой в квартиру. С порога её окутали запахи борща и свежей сдобы. Сразу захотелось есть, аж желудок подвело.

– Ты поосторожнее, – сказала бабушка чуть позже, за ужином. – Нашла тоже забаву – вертеть двумя. Имей в виду, ничем хорошим это обычно не заканчивается.

Мика замерла с ложкой у рта, сморгнула, удивленно вздрывшись на бабушку.

– Ба, ты что? Я никем не верчу! Лёша мне друг. Просто друг. А Женя... одноклассник.

– Ну-ну, – хмыкнула бабушка, но развивать тему не стала.

И всё же, несмотря на удар баскетбольным мячом, на приставания странного мужика, на Лёшино недовольство и нелепые бабушкины подозрения, настроение у Мики было прекрасным. Даже сердце, казалось, не просто стучало в груди, а отбивало какой-то бравурный ритм. Хотелось кружиться по комнате и смеяться. Но бабушка бы не поняла, она и так

на неё весь вечер косилась.

Мика ушла в свой угол за шкафом, растянулась там на раскладушке с книгой... но спустя время поймала себя на том, что лежит просто так и беспричинно улыбается, что не прочла ни строчки, что в мыслях до сих пор прокручивает сегодняшний вечер, кадр за кадром, отбрасывая лишнее и дополняя кое-какими штрихами.

В своём воображении она ничуть не тушевалась перед Колесниковым. И не молчала неловко, пряча глаза. Она себе такие остроумные реплики придумала – даже жалко было, что на самом деле он их не слышал.

Когда эйфория, дурманящая мозг, схлынула, в голову назойливо полезли всякие мысли. Ещё хуже, чем накануне, когда она терзалась из-за соревнований.

Теперь её мучило: пойти или не пойти на свидание? Хотелось, конечно. Очень хотелось! Аж в груди сладко замирало, но ещё где-то глубоко внутри тихонечко скреблось беспокойство. Оно, как ложка дёгтя, отравляло радость, сеяло сомнения.

Был бы ещё это кто-то другой, не такой самовлюблённый, как Колесников, она бы так себя не изводила. Но будь это кто-то другой – встречаться с ним и не хотелось бы.

Но не быстро ли это всё? Они ведь толком даже не общались с Колесниковым. Да он особо и не выказывал желания, ну вот кроме как сейчас. Никаких знаков внимания ей не уделял, не ухаживал, не добивался. Позвал один раз – и у неё тут же от радости в зобу дыхание спёрло. Не слишком ли легко она согласилась? Вдруг это как-то не гордо. Могла хотя бы для приличия немного поупрямиться.

Даже не так, не упряமиться, всё-таки в жеманстве ничего хорошего нет, а просто ничего не обещать, скрыть радость, сказать – не знаю. Не для того, чтобы цену себе набить, а просто чтобы не выглядеть такой легкодоступной, ну и чтобы

не давать ему лишний повод считать себя неотразимым.

Да чёрт бы с этой его самоуверенностью, больше всего Мика боялась другого. Вдруг она для него всего лишь развлечение? Вдруг она станет ещё одной «верой-сонеи-и так далее» в его коллекции? Нет, это ужасно...

«Да что со мной? – раздосадовано подумала Мика. – Это же всего лишь свидание! Зачем я себя накручиваю, зачем сразу думаю о плохом? Почему не могу как другие девчонки просто пойти погулять с понравившимся мальчиком? Что со мной не так?».

Но в душе Мика прекрасно знала, что не так. Просто она до тошноты боялась повторить ошибки матери. Ужасно не хотела быть на неё похожей.

Забитая, безвольная, мать не жила, а приспособливалась и терпела. В плохом смысле терпела: не тяготы, не жизненные трудности, а с овечьей кротостью сносила любые оскорбления и унижения. Гордости в ней не было ни на грош. Годами наблюдая, как мать заискивала перед Борисом Германовичем, Мика твердила себе, что никогда такой не станет, возвращая чувство собственного достоинства с болезненной одержимостью.

Тут и бабушка внесла свою лепту, рассказывая всякие случаи из юности матери, от которых Мике становилось стыдно.

Послушать бабушку, так в молодые годы мать готова была пойти буквально за каждым, кто поманит. Откликалась на

любой заинтересованный взгляд. Бросалась в отношения как в омут, а потом бросали её. Кто-то – сразу же, кто-то – сначала всласть наигравшись, как вот жгучий красавчик-кавказец, отец Мики.

Вспоминая её, бабушка тяжело вздыхала: «И ведь она вообще не шалава какая-нибудь, нет. Просто доверчивая дура. Есть такие, что без мужика жить не умеют, вот и она такая. Только ещё и в придачу без мозгов... и без гордости».

Не дай бог такой же стать!

Полночи Мика ворочалась без сна, борясь с собой. Сердце ныло, трепетало, предвкушая: хочу! А холодный рассудок язвил: «Яблоко от яблони...?».

И спросить, посоветоваться не с кем. Не с бабушкой же, та предвзята и вообще отстала от современной жизни.

Днём к ним забежал Лёша Ивлев. Он больше не злился, даже наоборот смотрел на неё с виноватой и какой-то просительной улыбкой. Хотя за что ему виниться? Не на неё же он вчера срывался.

Трогательно краснея, он попросил:

– Мика, тут такое дело... помощь твоя нужна. Мать на смене, отец в командировке. Ну и... мне, короче, тоже надо кое-куда по делу сгонять. Знакомый продаёт двигатель за копейки, а мне как раз нужен. В общем, если сейчас не куплю, желающие быстро найдутся. Только вот Любашу не с кем оставить...

Когда Мика впервые увидела Любашу Ивлеву, сразу дога-

далась, что это родная сестра Лёши. Несмотря на приличную разницу в возрасте, их сходство просто поражало. Светловолосая и очень рослая для своих пяти лет девочка походила на старшего брата не только внешне. Она и смотрела точно как он – серьёзно, даже сердито. Никогда не капризничала, не доставляла хлопот, делала мальчишкам во дворе замечания, если те устраивали «плохие» игры.

– Это ненадолго... я только туда и обратно... – продолжал Лёша. – А Любаша, ты же знаешь, спокойная, но одну оставить всё равно страшно, маленькая же...

– Да, Лёш, всё нормально, – остановила его Мика. – Сейчас я приду к вам, только бабулю предупрежу.

– Спасибо, – просиял он.

– Да не за что, мы же друзья.

Когда Мика поднялась к Ивлевым, Лёша уже поджидал её в прихожей, готовый тотчас мчаться за своим двигателем.

– Любаша в зале, рисует, – сообщил он, застёгивая молнию на куртке. – Ты не стесняйся. Захочешь – телик включи, вон там журналы какие-то есть. В общем, будь как дома.

Закрыв за Лёшей входную дверь, Мика прошла в большую комнату. Лёшина сестра и правда рисовала, сидя за круглым столом в центре зала. Склонившись над раскрытым альбомом, она сосредоточенно что-то закрашивала зелёным карандашом. От усердия она даже высунула кончик языка, а на гостью даже не взглянула.

Мика придвинула стул, села рядышком.

– Любочка, а что ты рисуешь?

Вместо ответа девочка насупилась и прикрыла ладошкой картинку.

– Не подглядывай, я ещё не закончила, – буркнула, не поднимая глаз. Но не прошло и минуты, Люба, сделав короткий штришок, убрала ладонь и развернула альбом к Мике.

– Всё, можешь смотреть, – разрешила она.

Мика честно пыталась включить воображение и догадаться, что на рисунке, но белый квадрат и зелёная полоса под ним не навевали никаких мыслей.

– А что это, Любочка? – сдалась Мика.

– Это мама у нас на даче.

Мика изумлённо вскинула брови.

– Это твоя мама? – указала она на белый квадрат.

– Ну, конечно, нет! – Люба посмотрела на неё как на дуру, которая не понимает очевидного. – Это простыня. Мама её постирала и вешает сушиться. Она за простынёй стоит.

Мика засмеялась было, но под строгим взглядом Любы почти сразу замолкла. Потом девочка смиростивилась.

– Можешь тоже порисовать.

От нечего делать Мика согласилась, мысленно надеясь, что Лёша не задержится. Она успела изобразить по просьбе Любы жирафа, кабана и зайца, пока он не вернулся. А вернулся он страшно довольный, видимо, не зря съездил.

Мика собиралась сразу же уйти, но Лёша упросил попить чай.

– Ну, куда ты так торопишься? Я пирожные купил! Специально по пути забежал в «Блисс».

Он и правда вынул из пакета прозрачный контейнер с пирожными. Мика пошутила:

– С этого и надо было начинать.

Люба своё пирожное уплела в два счёта и вернулась к рисованию, а Мика с Лёшей остались на кухне. Она с улыбкой наблюдала, как он ловко хозяйничал – явно не впервой. А между делом ещё и умудрялся развлекать её рассказом в лицах о своём походе за двигателем.

– Прихожу, а этот мужик – в дупель пьяный. Когда успел? Я ж вот с ним по телефону разговаривал, нормальный был. И еле понял меня, решил, что я его собутыльник... – наливая по второй кружке чая, Лёша изображал мимику и голос пьяного продавца. – Пока не выпьешь со мной, никуда не отпущу.

– Ну, в итоге договорились? – спросила, смеясь, Мика.

– Да, я же настойчивый. Просто так не сдаюсь.

А затем ни с того ни с сего перевёл разговор на вчерашнее.

– Слушай, ты извини, я вчера вечером не в духе был. Онегин этот... выбесил меня. Но я всё равно при тебе не должен был...

– Да всё нормально, Лёш, – отмахнулась Мика, – вы же там не устраивали мордобой или скандал. Подумаешь, слегка повздорили. С кем не бывает. Хотя... я так и не поняла, из-за чего ты так на него взъелся. Из-за матча?

– Ну, – дёрнул плечом Лёша.

– Ну он же вроде хорошо играл, много очков забил...

– Ну, неплохо, – немного сник Лёша, но тут же вскинулся:

– Да достал он! Звезда, блин... Вот приспичило ему уйти! Десять минут до конца не мог подождать? Ещё тебе вчера из-за него прилетело. Больно было?

– Ой, ерунда, – Мика рефлекторно тронула лоб. – Но я надеюсь... вы всё же помиритесь с ним. Ты вот ругаешь его, а если бы он не ушёл...

Мика осеклась.

– Что тогда?

– Да пристал там ко мне мужик какой-то. Женя его отогнал.

– Какой мужик? Кто? Чего хотел? – сразу встревожился Лёша.

– Да сама не поняла, но привязался, знаешь, как клещ, за руки хватал...

– Да зачем же ты ушла? Одна! Чёрт! Но можно попытаться узнать, кто это был. Там же есть камеры... надо проверить...

– Да всё обошлось же. Ну и я не знаю точно, что тот мужик хотел. Может, ничего такого. Просто я испугалась. Но ты не злился на Женю, всё-таки он меня выручил.

С минуту Лёша молчал в напряжении, но затем всё же смог улыбнуться.

– Хорошо.

Поколебавшись, Мика всё же решила спросить то, что её волновало. Лёша ведь друг, единственный её друг. Ну и бе-седа как раз перетекла в нужное русло.

– Лёш, а можно я у тебя кое-что спрошу?

– Само собой!

– Это про Женю... Ты же его хорошо знаешь.

Мика вдруг смутилась. Что спросить-то? И чего она ждёт от Лёши в ответ? Благословения? Смешно и тупо. Совета? Тоже ерунда. Зря всё-таки она затеяла этот разговор. Но Лёша весь подобрался и напряжённо ждал.

– В общем, он меня на свидание позвал. А у меня сомнения...

Лёша помрачнел, отвёл глаза в сторону. Затем вообще поднялся из-за стола и отошёл к окну, встал к ней спиной. Такой реакции Мика от него не ожидала.

Мелькнула мысль: может, бабушка вчера верно сказала про него? Да ну нет! Абсурд. Они с Лёшей просто друзья, близкие, хорошие, но ничего такого между ними никогда не было. Это же видно. Вон как на неё Колесников смотрит – как мужчина на женщину. А Лёша – как человек на человека. Да и просто такое всегда ведь чувствуется каким-то внутренним чутьём. А рядом с Лёшей на душе полный штиль, с ним легко, тепло и уютно. Она вон его даже ни капли не стесняется. Да и ведёт он себя с ней только как друг, ни разу ни единого намёка, ничего... Но почему сейчас вдруг так прореагировал?

Лёша молчал, глядя во двор, опершись руками о подоконник. Если бы не заметное напряжение в мышцах, можно было подумать, что он забыл о ней. Отвлёкся, задумался о своём.

Молчание затянулось, стало неловким и тягостным. Озадаченно глядя ему в спину, Мика неуверенно забормотала:

– Не знаю, почему так... Может, из-за того, что он вот с Верой так поступил, потом – с Соней... Может, это подспудный страх, что он меня типа тоже поматросит и бросит, – на этих словах Мика усмехнулась. – Глупо, да?

Не сразу, но Лёша всё-таки отозвался.

– Нет, не глупо, – глухо сказал он. – Наоборот...

Потом повернулся, посмотрел на неё почему-то виновато, как показалось Мике. А ещё показалось, что он хочет что-то сказать, но сомневается. Или, может, что-то его останавливает.

– Лёш, что с тобой?

– Да нет, ничего... – покачал он головой, а сам ещё больше нахмурился. А потом, похоже, всё-таки решился. С шумом выдохнув, произнёс:

– Мика, послушай меня как друга: не ходи с Женькой ни на какие свидания, вообще забей на него. Не стоит он тебя.

Мика растерянно сморгнула. Холодком по спине пробежало нехорошее предчувствие, и вместе с тем внутри всколыхнулось упрямство: почему это?

Наверное, это отразилось в её лице, потому что Лёша, не

дождавшись следующего вопроса, сказал сам:

– Я как бы не должен был тебе этого говорить. Если наши узнают, сочтут, что я трепло. Но молчать я тоже не могу. Лучше уж тебе заранее узнать, пока ещё ничего...

– Лёша, ты о чём? – перебила она его.

– Поспорил он на тебя, Мика...

Мика растерянно посмотрела на Лёшу, но тот отвёл взгляд, словно говорить об этом было ему неудобно.

– В смысле – он на меня поспорил?

– Ну как обычно на девчонок спорят? Но точно, как и что там было, я не знаю, это всё не при мне случилось.

– И когда он поспорил? – не своим, каким-то глухим и бесцветным голосом спросила Мика.

– Вчера. Перед соревнованиями. Ну или пока они в «Старт» шли. Честно, будь это при мне, я бы такого не допустил. Но мы как раз с тобой в то время были...

– Так откуда же ты знаешь, раз тебя с ними не было? – вырвалось у Мики. Зачем она так с ним? Уж Лёша бы точно придумывать такое не стал.

– После соревнований кто-то из пацанов, кажется, Жоржик, сказал, что, типа, оригинальные у Онегина методы добиваться цели. Ну, это о том, что он в тебя мячом попал. Ну, может, не именно этими словами, но смысл такой. Пацаны стали на эту тему стебаться. Я спросил, о чём они. Ну они и просветили насчёт спора. Мол, кто-то про тебя сказал, что ты... не такая, как все, что к тебе подкатить нереально. А Женька сказал: "Пфф. Да запросто".

Лёша запнулся, помолчал, будто колебался, затем, густо

краснея и спотыкаясь на каждом слове, всё же договорил:

– Ещё сказал, что ты... такая же, как все и тоже... ну, типа... с ним... переспишь. Вот.

От горечи и унижения щёки полыхали, а горло перехватило словно удавкой. Какой же он подонок!

– И на что он спорил? С кем? – сглотнув, еле слышно произнесла Мика. Она и сама не знала, зачем всё это выпрашивала. Для чего ей эти унижительные подробности? Какая, собственно, разница?

В груди образовался ком, едкий тяжёлый сгусток. Медленно и неотвратно он разрастался, пульсировал, давил, затрудняя дыхание и причиняя физическую боль.

– Да ни с кем конкретно, с нашими пацанами. А на что поспорил – этого я не знаю. Не спрашивал.

С минуту она всё ещё сидела внешне бесстрастная, но уже чувствовала, как внутри зреет истерика, колотится, бьётся, пытаясь прорваться наружу. Какой же он подлец, какой лицемер!

А самое обидное, что он ведь и в самом деле сумел её увлечь. Причём так легко и быстро. Ему даже напрягаться особо не пришлось. Пока она вздыхала о нём и грезила, он самодовольно посмеивался над ней. Дура! Тысячу раз дура! Как же стыдно! И как больно...

Внутри будто что-то надломилось, треснуло, и вот уже вся выдержка рассыпалась в крошево. Лицо исказилось, подбородок безвольно задрожал, слёзы навернулись на глаза.

Лёша тут же подскочил к ней, присел рядом на корточки, взял за руку, что-то приговаривая, но она не слышала слов. Она захлёбывалась слезами, подбирая их рукавом, но они тут же набегали снова, крупные, солёные и такие унижительные...

Боже, как стыдно, что Лёша видит ей такой...

А Лёша терпеливо ждал, когда она успокоится. Когда всхлипы стали реже, подал воды.

– Извини, что я... тут так расквасилась... – заикаясь, произнесла Мика. Послушно приняла стакан, отпила глоток, но руки ещё дрожали, а зубы постукивали о край.

– Это ты извини. Жестоко было так на тебя всё вываливать, но... если бы ты узнала позже, было бы ведь ещё хуже.

Мика удивлённо воззрилась на него.

– Тебе не за что извиняться. Наоборот, спасибо, что сказал, что предупредил.

Её передёрнуло от одной мысли, что она могла стать очередным трофеем этого подонка Колесникова, а так бы и было, если б Лёша не рассказал заранее про спор. Про постель он загнул, конечно, ни за что бы она с ним спать не стала, но вот влюблённой душой точно себя выставила бы.

Одно лишь то, что они обсуждали её в таком ключе, делали ставки, словно она не живой человек, а объект или вещь, уже оскорбляло и ранило. Но ещё хуже делалось, стоило ей представить, как завтра-послезавтра и ещё неизвестно сколько времени она бы в счастливом неведении улыбалась этому

подонку, позволяла бы себя обнимать, касаться, может даже целовать, бегала бы к нему на свидания, его слова принимала бы за чистую монету, тогда как все наблюдали бы всё это со стороны, обсуждали за глаза, смеялись над ней, смаковали её позор...

Такая тошнота накатывала, и всю буквально корёжило изнутри. Как же это подло, как жестоко... Ну за что он так с ней? Что она ему плохого сделала?

Слёзы высохли, и хотя веки ещё жгло, а внутри по-прежнему было больно и гадко, словно там разлилась едкая горечь, внешне она будто окаменела.

– Мне так жаль. Убил бы его, – пробормотал Лёша.

– Так ты поэтому на него вчера злился?

– Угу, – кивнул он. – Но ты всё равно не принимай близко к сердцу. Дело же не в тебе. Просто он вот такой... Сама посуди: сначала Веру бросил, потом – Соньку. Так это же, кстати, не первый у него спор. Ещё два года назад наши пацаны как-то забились, что сумеют развести какую-нибудь левую девчонку из сети на селфи топлес. Он, правда, сначала отказался участвовать. Я тоже отказался, – поспешно уточнил Лёша. – Мне такие глупости ни к чему. А он почему не стал – не знаю. Фыркнул, типа, детский сад. Но когда ни у кого из наших не получилось, их, короче, девчонки послали лесом, тогда он решил показать мастер-класс. Написал одной наобум. Той, которую до этого Жоржик пытался окучить, а она беднягу жёстко обложила и отправила в чс. Ну а Онегин

с ней где-то полдня переписывался. А потом перед физрой достал телефон и сказал пацанам: "Учитесь, девочки". Ну и показал, что она ему прислала-таки селфи.

– Какой кошмар... фу...

– Ну. Правда, ума у него хватило никому эту фотку потом не пересылать и не сливать, хотя Жоржик и кто-то ещё из наших прям просили, умоляли. И той девчонке написал, чтоб больше так никогда не делала. Но всё равно видишь, какой он. Никто ему не нужен. Ему нужны только победы, чтобы тешить своё эго. И чем красивее девчонка, чем неприступнее, тем круче победа. А ты такая...

Лёша запнулся и вновь залился краской. И смутившись, повторил:

– Ты только не принимай близко к сердцу. Просто забей на него.

– Так и сделаю, – вымученно улыбнулась Мика.

Да, теперь она уже полностью взяла себя в руки. Мало ли что было бы, уговаривала себя Мика. Главное – ничего такого не произошло, не успело, значит, не стоит и убиваться. Из-за этого подонка уж точно не стоит. Никто её не унизит и не опозорит, если она сама этого не позволит, а она не позволит. Спасибо Лёше.

Однако что-то её всё-таки зацепило в его словах... Она нахмурилась, пытаясь вспомнить.

– Давай ещё чайку, а? – предложил Лёша.

Она бездумно кивнула, даже не уловив смысла его слов.

Пока он возился с чайником, она перебирала в уме их разговор. И вспомнила.

– Лёш, а если бы я тебе не сказала про свидание, ты бы мне что, не рассказал про этот спор? Ты же не собирался, даже не намекал... У тебя и настроение было такое хорошее...

Лёша смутился на мгновение, пробормотал:

– Ну почему... я просто... нет, рассказал бы, конечно!

– И вначале ты сказал, что не должен мне об этом говорить. Почему?

Лёша шумно выдохнул, отставил заварник в сторону, снова присел рядом.

– Ну, я не хотел тебе говорить, да. Не хотел расстраивать, ну и треплом прослыть тоже не хотелось бы, конечно. Ну, это как бы не принято у нас, у пацанов, сливать друг друга. Это как бы зашквар считается.

Лёша заметно тяготился собственными словами и всё же продолжал:

– Но не думай, я не собирался пустить всё на самотёк. Я просто хотел сначала сам с Женькой поговорить. Хотел заставить его отказаться от спора.

– Как бы ты его заставил? – с горечью усмехнулась Мика.
– Не очень-то он похож на того, кого можно заставить.

– Да я бы просто предупредил его, что всё тебе расскажу, если он не отступится. И он бы отступился, точно тебе говорю. Он бы тогда сказал пацанам, что передумал или ещё что-нибудь сочинил, не знаю. Для него это не проблема. В

смысле, он вообще не заморачивается, как другие. Захотел – и слился, забил на всё и пофиг ему, кто что скажет. Звезда же типа, звезде всё можно. Зато реальный проигрыш в таких вещах – это прямо вообще для него катастрофа. Жёсткий удар по самолюбию. Нокаут. Поэтому, если б я его предупредил, что скажу тебе про спор, он бы, конечно же, предпочёл слиться, типа расхотел спорить, чем получить твой отказ и проиграть.

Мика невесело хмыкнула.

– Мик, слушай, не говори ему только, пожалуйста, что я тебе всё выложил, ладно? Понимаешь, если бы я его предупредил, что расскажу, – это было бы нормально. Это было бы по-людски. А так... ну, как бы не очень. На него мне пофиг, но пацаны тоже этого не поймут...

– Не переживай, Лёш, ничего я ему не скажу, – Мика поднялась из-за стола. – Никому не скажу. Но только и ты ему ничего не говори.

И уже тише, совсем неслышно, добавила:

– Будет ему завтра нокаут.

Экран сотового то и дело вспыхивал, сигнализируя о входящих вызовах. Мика их не сбрасывала, но и не отвечала. Не могла.

Звонки Колесникова её нервировали, заставляли сердце болезненно сжиматься, кровоточить. Как назло, он ещё и звонил раз за разом, с пяти и до позднего вечера. Звук она отключила, но сама же при этом то и дело косилась на телефон, проверяла зачем-то. И злилась на себя за это, приказывала не думать, забыть, но какое там...

Со вчерашнего дня, с той минуты, как вернулась от Ивлевых, Мика только и думала, как поступить, что ему сказать. По-хорошему стоило бы выложить всю правду в лоб и посмотреть, как он растеряется, как начнёт оправдываться. Но слушать бы она не стала, развернулась бы и гордо удалилась. И больше бы в его сторону не взглянула, никогда. А если бы он вздумал ещё вязаться к ней, она бы не реагировала, точно он – пустое место.

«Он для меня и так пустое место!», – зло сказала себе Мика.

Но ведь и ничего этому подонку не выскажешь, иначе некрасиво получится по отношению к Лёше. Обещала ведь и теперь связана этим обещанием. Да и просто подводить Лё-

шу не хочется.

Наверное, лучше было бы, если б он и вправду успел сначала сам поговорить с Колесниковым. Тогда тот просто перестал бы к ней подкатывать. Возможно, это её поначалу обескураживало бы, даже, скорее всего, уязвляло, но зато не пришлось пережить такой удар, такое унижение. И не стояла бы сейчас дилемма, как повести себя завтра с Колесниковым. Как отказать ему так, чтобы и на Лёшу не пало подозрение, и чтобы он раз и навсегда расхотел к ней подкатывать? Нет, не просто расхотел, а хорошенько получил по заслугам, чтобы и на других впредь спорить было неповадно. Сбить с него спесь – вот что нужно сделать. И не наедине, а при всех.

Это, конечно, жестоко, да и изображать из себя стерву ей очень не хотелось, даже претило, но он ведь своим спором тоже её унизил прилюдно, все же наверняка о нём знают. Весь класс. А тех, кто не в курсе – завтра обязательно просветят. И все будут коситься на неё, наблюдать с любопытством, как за подопытной зверушкой, обсуждать тайком, хихикать за спиной. Почему она должна щадить его чувства, если он обошёлся с ней как последний мерзавец? Заодно и рты всем закроет, точнее заставит обсуждать не себя, а Колесникова и его раненое эго.

Около десяти вечера их переполошил чей-то поздний визит. Они с бабушкой уже ко сну готовились, когда по квартире прокатился резкий дребезжащий звонок.

– Кого это принесло на ночь глядя? – сердито заворчала

бабуля, натягивая халат.

Как током стукнула мысль: а вдруг Колесников?

– Ба, если ко мне, скажи, что меня нет, – умоляюще зашептала Мика.

Бабушка недовольно нахмурилась, но когда открыла входную дверь, так и сказала кому-то: нет её.

– А где она? – удивился гость, и сердце нервно ёкнуло. Точно – он, Колесников. Примчался...

– Гуляет где-то.

– Так поздно? Гуляет? Где-то?

– Да, – отрезала бабка.

– И вас это не смущает? – не унимался тот.

– А тебя не смущает так поздно заявляться к людям?

– Нет, – честно ответил он.

– А должно! – на этом бабушка захлопнула дверь и, ворча под нос, вернулась в комнату.

– С чего это вдруг ты решила отшить красавчика? – прищурившись, спросила она у Мики. – В пятницу никак с ним не могла расстаться, а тут вдруг что?

Пятница... какой же она счастливой была позавчера, аж голова кружилась. И вроде прошло-то всего два дня, а ощущение – будто целая вечность. В груди снова тоскливо защемило. Ну, вот зачем она ей напомнила?

– А может, я твоего совета решила послушать, – сдержанно ответила Мика, расстилая постель. – Ты же сама сказала, что эти забавы ничем хорошим не заканчиваются.

– Это да, – кряхтя, бабушка устраивалась поудобнее на кровати. – Но красавчик твой ещё тот наглец. Никто так вольно со мной не разговаривает, даже когда я добрая. А этот вон дерзит мерзавец.

Бабка хмыкнула. Но хмыкнула с таким видом, будто это в нём ей понравилось.

– Он не мой, – буркнула Мика.

И какого-то чёрта веки опять зажгло, а горло перехватило. Она крепко зажала ладонью рот, чтобы не расплакаться, но слёзы уже непослушно катились по щекам и грудь содрогалась от беззвучных всхлипов.

– Ну, ладно. Спокойной ночи, – пожелала ей бабушка, но ответить ей Мика уже не смогла.

Она и так боялась, что та услышит сдавленные рыдания, которые никак не получалось побороть. И раскладушка эта дурацкая скрипела от каждого малейшего движения, хоть Мика и старалась лежать тихо-тихо.

Почему-то ей казалось стыдным обнаружить свои слёзы, свою слабость. Особенно перед бабушкой.

Уснуть ей так и не удалось, хоть она и наплакалась вволю (когда бабка начала похрапывать, Мика и сдерживать себя перестала. Не ревела, конечно, навзрыд, но разрешила себе негромко всхлипывать и шмыгать носом). А потом, до самого рассвета, она просто лежала, отрешённо глядя в тёмный потолок, по которому изредка скользили отсветы с улицы, и чувствовала себя глубоко несчастной. Всё же этот чёртов Колесников сумел пролезть ей в душу, отравить её своим ядом, и вытравливать его будет наверняка не просто...

Но уже утром её словно подменили. По лицу невозможно было прочесть ни обиды, ни разочарования, ни горечи. Оно даже как будто стало немного другим. Вроде всё то же: утончённые черты, разлёт тёмных бровей, идеально очерченные губы и чёрные как безлунная ночь глаза, только в них – пустота. Красота её точно застыла, окаменела. Словно она – изваяние, мастерски высеченное из ледяного мрамора. Ни блеска, ни света, ни тепла...

Так же было и на душе – холодно и пусто. Никого не хотелось видеть, даже Лёшу. Поэтому, когда он позвонил к ним, чтобы вместе идти в школу, Мика не открыла дверь. Выждала немного, и только тогда вышла сама.

Но в школу плелась через не могу. Да, сейчас она успо-

коилась, но вдруг увидит Колесникова и вновь потеряет это зыбкое равновесие? Не так уж прекрасно она владеет собой, оказывается, судя по последним дням.

Не торопясь, она добрела до школы, к счастью, не встретив никого из одноклассников, а в кабинет, где первым по расписанию должна быть физика, вошла уже перед самым звонком. Учитель ещё не появился, так что каждый коротал время до звонка как хотел. Несколько девчонок стояли у подоконника и шептались, то и дело хихикая.

– А он такой... а она такая... – прорывался местами полужёпот Альбины.

Жоржик задира́л Оксану Громову, та огрызалась, пыталась его поймать, но тот уворачивался и со смехом отбегал.

– Я тебе покажу Громозеку! Поймаю и задавлю, клоп, – беззлобно пригрозила ему Оксана.

Лёша что-то обсуждал с Костей и Денисом. Вера Тихонова прилежно повторяла параграф. Дэн и Гарик швыряли друг в друга резиновый шарик, как дети. Антон Кулешов сидел на первой парте, прямо на столешнице, спиной к доске, и переговаривался через весь класс с Рогозиной. Та отвечала ему игриво, но время от времени бросала украдкой взгляды на Колесникова. Ну а тот, откинувшись на спинку и заложив руки за голову, сидел за последней партой крайнего ряда. Вполне себе довольный жизнью и собой покачивался на стуле. И взи́рал на всех с ленивой расслабленностью и отстранённостью. И впрямь было в нём что-то кошачье, поду-

малось вдруг.

Но увидев Мику, Колесников сразу подобрался, перестал раскачиваться на стуле, вперился в неё горящим взглядом. Она же старательно избегала смотреть в его сторону. Поздоровалась с Лёшей, с другими, успела даже про себя отметить, что вроде всё как обычно, никто не косится на неё как-то по-особому, так что, может, зря себя так накрутила... Хотя тут ведь Лёша – при нём высмеивать её не стали бы, это факт.

– Я заходил к вам сегодня утром, – сообщил он.

Мика замешкалась, не зная, что ему ответить, и тут подал голос Колесников:

– Я тоже к вам заходил. Вчера вечером.

Игнорировать его и дальше не получалось. Взгляд сам собой метнулся в его сторону. К лицу тотчас прихлынула кровь, дурацкое сердце запрыгало в груди, но Мика почти сразу сумела взять себя в руки. Какой же он невыносимо самоуверенный! Аж бесит.

– И где же ты так поздно гуляла вчера? – спросил он с полуулыбкой, когда она прошла к своему месту за третьей партой среднего ряда. – А если серьёзно, Мика, ты чего вчера не пришла?

Мика, остановившись у своего стула, поставила на стол сумку, взглянула на него и с непоколебимым спокойствием спросила:

– А куда я вчера должна была прийти?

Это его заметно обескуражило. И улыбка тотчас сползла.

– Как куда? – он взметнул брови. – Мы же договаривались с тобой встретиться вчера...

Тут только Мика обратила внимание на то, как притих весь класс. Каждый следил за их диалогом: кто-то – с любопытством, кто-то – с напряжением, кто-то – с азартным огоньком в глазах. Они прислушивались, ловили каждое слово, ждали её реакции. Для них это было зрелище, забавное шоу, в котором по прихоти этого подонка ей отвели самую унижительную роль.

Если в глубине души и оставались крупички сомнения, да же не сомнения, а глупой надежды, то сейчас Мика убедилась окончательно и бесповоротно: он на неё действительно поспорил и все в курсе.

Ну, что ж. Хотите шоу – получайте шоу.

Повернувшись к Колесникову, Мика сменила равнодушный взгляд на полуудивлённый-полупрезрительный.

– Встретиться? С тобой? – вполне правдоподобно удивилась она. – Ты серьёзно?

– Ну да, – подтвердил он.

– Откуда у тебя такие нелепые фантазии?

– Какие фантазии? – недоумевал он. – Ты же сама согласилась... в пятницу... я тебя позвал, а ты согласилась...

– Слушай, я не знаю, что ты себе напридумывал, – теперь её голос звучал раздражённо, – но я ни о чём с тобой не договаривалась. Может, тебе приснилось?

– Мика, ты сейчас шутишь? – озадаченно хмурился он.

– Вот и я тоже думаю: то ли ты бредишь, Колесников, то ли шутишь так тупо.

– Да что с тобой?

– Со мной нормально всё, – пожала она плечами. – А вот что с тобой – я не знаю. Что привязался? Несёшь какую-то ересь про какие-то свидания. Ты вообще здоров? Чтоб ты знал, с тобой я уж точно никогда ни на какое свидание не согласилась бы. Извини, но ты мне не нравишься. Совсем. Так что не путай свои фантазии с реальностью.

У неё даже получилось изобразить нечто среднее между жалостью и брезгливостью, а в его лице от привычного самодовольства не осталось и следа – одна сплошная растерянность.

Первой хмыкнула Соня, затем и Вера Тихонова. Кто-то ещё зашептался в звенящей от напряжения тишине. Кажется, Жоржик. Но большинство сидели, открыв рты, и даже не думали его высмеивать – несмотря на невыносимую самоуверенность Колесникова, его почему-то в классе почти все любили. А жаль... Над ней они наверняка поглумились бы вволю.

Затем в кабинет торопливо вошёл физик. Класс с шумом встал, затем все сели, но среди этого шума Мика отчётливо различила смешок и язвительный шёпот Жоржика:

– Ну, чё, Онегин, подъехал так подъехал. Просто эпический провал, да?

– Отвали.

– Да чего ты, умей принимать поражение достойно.

Физик тоже уловил их перешёптывания.

– Колесников! Пашутин! Отставить разговоры! Или сейчас оба вон пойдёте отсюда.

Это, может, и странно, но очень хорошо, что физик был к ней всегда добр, тогда как всех остальных терроризировал. Немного неловко перед одноклассниками, но всё равно хорошо. Во всяком случае – сегодня.

Ведь обычно, когда кто-то плавал и не мог толком ответить на его вопросы, Юрий Борисович или язвил, или раздражённо отчитывал, а тут на её беспомощное молчание лишь взглянул с сочувствием и очень даже по-доброму осведомился, не приболела ли она. От такого разительного контраста сделалось, конечно, совсем неудобно, тем более девочки, да и парни тоже стали оглядываться, искать признаки «нездоровья». Но если бы он на неё сейчас набросился, как и на всех, она бы точно не выдержала. Она вон и собраться с мыслями не сумела, хотя домашний параграф честно прочла.

Просто этот Колесников со своим гадким спором попросту выбил почву у нее из-под ног. Внешне она крепилась, но в душе царил полный раздрай. И то, что он пялился ей в спину, ещё сильнее нервировало.

Юрий Борисович, озабоченно глядя, ждал от неё вразумительного ответа.

– Да, – пролепетала Мика, стесняясь своей лжи, – голова

очень болит.

Щеки тут же стыдливо зарделись, выдавая её с потрохами. Но физик на её неумелую ложь лишь сочувственно поцокал языком и предложил навеститься в медпункт.

Мика поблагодарила и вышла из класса. Ни в какой медпункт она, конечно, не пошла, но эта неожиданная передышка оказалась очень на руку. Ей не мешало успокоиться, скрыться от острого взгляда Колесникова, а то ведь сидела как на иголках. Хоть и не оглядывалась, а всё равно чувствовала, что он с неё глаз не сводит.

Чтобы не попасться ненароком директорисе, завучу или классной, Мика поднялась на четвёртый этаж, убрела в самый конец длинного коридора, пристроилась возле окна, выходящего во двор школы с торца.

Собой она была недовольна. Не так ночью всё планировала. Хотела же ударить по его самолюбию утончённо, а вышло как-то топорно и грубо.

Да и плевать, отмахнулась Мика. Он своё получил и ладно. Теперь надо постараться выкинуть его из головы, не замечать, забыть, а это уже сложнее...

Шаги за спиной она слышала не сразу, точнее, не обратила на них внимания, а когда оглянулась, то увидела, что к ней направляется Колесников.

Чёрт! Как он её нашёл? Что ему надо? Впрочем, понятно, что – выяснить отношения. Но как додумался сюда подняться? Или он что, всю школу обошёл?

Очень захотелось сбежать от него, но куда тут сбежишь? Тупик. Не в окно же прыгать.

Нервно сглотнув, Мика попыталась унять вмиг разошедшееся сердце. Но оно колотилось, словно обезумев. И пальцы дрожали, даже руки пришлось сжать в кулаки.

Да уж, холодно и невозмутимо всё ему высказать точно не получится. Так что лучше помалкивать по возможности.

– Поговорим? – спросил он, приблизившись.

Да ну его! Она просто молча уйдёт и всё. Но Колесников, стоило ей двинуться, вынул руку из кармана, выставил вбок и, уперев ладонь в стену, преградил путь.

От его взгляда, неотрывного и пронизывающего, сделалось не по себе. Она даже на мгновение опустила глаза, смутившись. Только с чего бы ей смущаться? Это ему должно быть перед ней стыдно! Если у него, конечно, хватает совести понять, насколько низко вот так спорить на человека. Хотя он ведь не догадывается, наверное, что она всё знает.

Мика гордо вскинула подбородок и посмотрела прямо. Всё-таки он выглядел совсем иначе, словно перед ней стоял другой человек. Обычно такой расслабленный и вальяжный сейчас он был заметно напряжен, собран и чрезвычайно серьёзен. Никакой еле уловимой насмешки в глазах, никакой блуждающей полуулыбки. Он даже хмурился. Она его просто не узнавала. Неужто беднягу так зацепили её слова? Тем лучше! В следующий раз не будет устраивать мерзкие споры.

– Что на тебя нашло? – первым нарушил он напряжённое

и красноречивое молчание.

– Ничего, – удалось произнести почти ровно, но дикое сердце от его близости так бесновалось, что катастрофически не хватало воздуха.

– Тебя кто-то расстроил? У тебя настроение плохое?

– Нормальное. Обычное...

– Не похоже, – ответил он, продолжая буравить её взглядом. – В пятницу ты мило улыбалась, не возражала встретиться. А тут вдруг ни с того ни с сего взъелась... только вот за что? Я тебя разве чем-то обидел? Ты скажи.

– Не понимаю, о чём ты. – А вот сейчас голос сдал, заметно дрогнув.

– Слушай, давай только без этих «не понимаю, не знаю, ничего не было». Я вроде с ума не сошёл, ты, надеюсь, тоже. И мы оба прекрасно помним, что было в пятницу.

Он и говорил иначе – обычно слегка растягивал гласные, отчего речь казалась неторопливой, лениво-благодарной. А сейчас – чеканил слова резко, жестко, напористо. Будто рубил. Давил на неё, неосознанно придвигаясь всё ближе.

– Мы договорились встретиться в воскресенье в пять. Так?

Мика было собралась вновь возразить, но наткнулась на его непривычно жёсткий и пронзительный взгляд и промолчала. Он прав – продолжая этот концерт наедине, она сама будет выглядеть как дура.

– Я пришёл, – продолжал он твёрдо, – прождал три ча-

са. Ты меня прокатила, ладно. Бывает. Передумала там, не смогла, ещё что-то... неважно. Но почему не сказала? Я звонил сто раз. Боялся, что с тобой что-то случилось. Домой к вам прибежал. А теперь ещё этот спектакль в классе. Что это было, я не понял. Для кого?

Она не отвечала.

– Ну так что? К чему была эта интермедия? И почему ты не пришла?

Мика молчала, ни объясняться, ни оправдываться она не желала. Во-первых, и сказать тут нечего, кроме правды, но тогда она подведёт Лёшу, чего ей совсем не хотелось. А во-вторых, это даже хорошо в каком-то смысле – пусть ломает голову, терзается неизвестностью. Пусть ему будет плохо так же, как ей!

– Мика, ты же, вроде, адекватная. Таких диких перепадов настроения я за тобой не замечал. Так что случилось, чёрт возьми? – наседал он. – Тебе про меня кто-то что-то наплёл? Сонька? Вера? Но давай это обсудим. По крайней мере, я имею права знать.

– Я просто не хочу иметь с тобой ничего общего, вот и всё, – раздражённо ответила Мика.

– А в пятницу хотела, – заметил он.

– В пятницу тоже не хотела, – с напускной холодностью возразила она. – Просто было неловко отказать, ты же защитил меня...

– Оу, – усмехнулся он. – А сегодня, стало быть, уже ловко.

С минуту они стояли молча, друг напротив друга, сражаясь взглядами. Это было трудно вынести. Потому что его взгляд, казалось, буквально прожигал её насквозь, аж больно.

А потом Колесников вдруг порывисто подался к ней. Она и моргнуть не успела, как на затылок легла его ладонь, горячая, крепкая, даже жёсткая. Не давая опомниться, он притянул её к себе и впился в губы поцелуем.

Это произошло так неожиданно, что она растерялась. Беззвучно ахнув, приоткрыла рот, и тут же почувствовала, что поцелуй стал ещё более напористым, глубоким и наглым, но, что уж скрывать, приятным. Сердце ухнуло вниз, дыхание перехватило, пол поплыл под ногами. Несколько долгих секунд слабости слились в одно упоительное мгновение, которое вдруг разорвал звонок с урока.

Мика резко отпрянула, оттолкнула от себя Колесникова, зло шикнула на него:

– Убери от меня свои руки! И никогда, слышишь, никогда не смей даже близко ко мне подходить!

В довершение она яростно и брезгливо отёрла рот. Слова её, похоже, не особо его тронули, а вот жест явно задел. Он смерил её всё ещё горящим взглядом, затем, сглотнув, бросил:

– Как скажешь...

Развернулся и ушёл. Ушёл и не оглянулся.

Мика перевела дыхание. Беспомощно опёрлась о под-

оконник, ноги её еле держали.

Господи, что это было? Она снова коснулась губ, бездумно и совсем легко, точно проверяя. Но какой же он наглец!

Сравнивать ей пока было не с чем и не с кем, но откуда-то она поняла совершенно точно — целоваться он умеет. Ещё как умеет, сволочь! Губы до сих пор требовательно горели, голова шла кругом, а внутри так сладко и тоскливо ныло...

Колесников больше не делал попыток заговорить с ней. Он на неё даже не смотрел. Во всяком случае открыто. Он вообще ни на кого не смотрел. И выглядел по-настоящему расстроенным. На переменах никуда не ходил, сидел за своей задней партой молчком, то Жоржик, то ещё кто-нибудь пытались его растормошить или куда-нибудь вытянуть, но он только отмахивался.

– Жень, ты геометрию сделал? – спросила его перед математикой Альбина. – Надо списать?

Он даже не сразу отозвался, как будто не понимал вопроса. Потом всё же выдавил вялую улыбку.

– А-а. Да нет, Аль, спасибо, не надо.

Только почему-то Мику его подавленный вид совсем не радовал. Наоборот, тяжело было, хотя разве не этого ей хотелось – сделать ему больно? Этого. Но на душе стало только хуже.

Весь день девчонки косились на неё кто с укором, кто с немим удивлением. Оксана Громова так вообще испепеляла её взглядом, как врага. Только Соня Рогозина источала неприкрытую радость и даже после физкультуры, в девичьей раздевалке, обронила с ухмылкой:

– А я в тебе ошиблась. Ты, оказывается, не т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.